

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 30 ИЮЛЬ 1984

Во время встречи.

Фото С. Гурария

Прием К. У. Черненко

Х. Переса де Куэльяра

13 июля Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко принял в Кремле Генерального секретаря ООН Х. Переса де Куэльяра, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом. В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

В ходе беседы, прошедшей в конструктивной и дружественной

обстановке, были обсуждены основные международные проблемы и роль ООН в содействии их решению в интересах упрочения мира.

К. У. Черненко подчеркнул, что Советский Союз последовательно проводит курс на оздоровление международной обстановки, обуздание гонки вооружений. Первоочередной задачей в настоящее время СССР считает устранение угрозы ядерной войны. К. У. Черненко привлек внимание и конкретным советским предложениям, на-

целенным на решение этой ключевой задачи и представляющим реальную альтернативу сползанию мира в пропасть.

Х. Перес де Куэльяр приветствовал усилия Советского Союза по предотвращению ядерной войны и преодолению опасной напряженности в мире. Он высказался за повышение вклада ООН в решение вопросов укрепления мира и международной безопасности в соответствии с целями и принципами Устава этой организации.

К. У. Черненко заявил о полной поддержке Советским Союзом усилий, направленных на повышение роли ООН как инструмента укрепления мира и конструктивного сотрудничества государств.

В беседе приняли также участие помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, постоянный представитель СССР при ООН О. А. Трояновский и заместители Генерального секретаря ООН Б. Уриварт, В. А. Устинов, Д. Кордовес.

СОЗДАВАТЬ АТМОСФЕРУ ДОВЕРИЯ В МИРЕ

Большим событием в общественной и политической жизни Великобритании стал выход здесь в свет книги речей и статей Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, опубликованной издательством «Пергамон пресс». Книга содержит статьи и речи К. У. Черненко 1975—1982 годов, такие важнейшие выступления советского руководителя в недавнее время, как его речи на июньском (1983 г.), внеочередном февральском и апрельском (1984 г.) Пленумах ЦК КПСС, статью «Идео-

логия революционного созидания и мира», опубликованную в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1983 году, речь на встрече с избирателями 2 марта 1984 года и другие программные материалы. В книгу включен биографический очерк о К. У. Черненко.

Значительное внимание английской общественности привлекает написанное К. У. Черненко предисловие к книге, обращенное к британским читателям.

11 июля на церемонии представления английским читателям книги К. У. Черненко в посольстве

СССР в Лондоне присутствовали лидеры политических партий и члены парламента, представители общественных и деловых кругов Великобритании, министерства иностранных дел, дипкорпуса, профсоюзов, видные деятели культуры и науки.

Выступившие на церемонии отмечали важное значение выхода книги К. У. Черненко для улучшения взаимопонимания между советским и английским народами, установления между ними отношений дружбы и доверия.

В этой замечательной книге,

сказал бывший премьер-министр Великобритании Г. Вильсон, говорится о том, что необходимо сделать для улучшения отношений между Востоком и Западом.

На с н и м а х: Сборники статей и речей К. У. Черненко; на церемонии выступает бывший премьер-министр Великобритании Г. Вильсон. В центре — посол СССР в Великобритании В. И. Попов, слева — лидер либеральной партии Д. Стил.

Телефото АП — ТАСС и Л. Пахомовой (ТАСС)

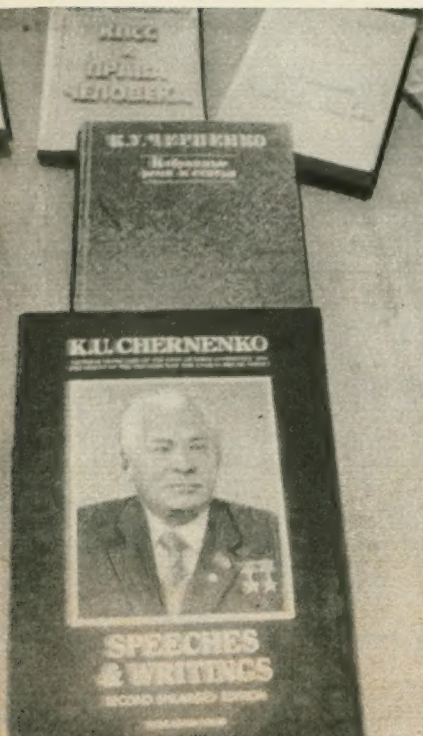

Фото А. Гостева

ИМЕНИ ЛЕНИНА

Славный путь, измеряемый шестью десятилетиями, прошел с именем Ленина комсомол Страны Советов. Символы годы пронес он эстафету идейной убежденности, преданности делу коммунизма.

12 июля в Москве, в Центральном Государственном концертном зале «Россия», состоялось торжественное заседание, посвященное 60-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

Продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищи В. И. Воронникова, М. С.

Горбачева, Г. В. Романова, Е. К. Лигачева, Н. И. Рыжкова.

Участники собрания единодушно избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. У. Черненко.

С докладом выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. М. Мишин.

В докладе особое внимание было уделено вопросам идейно-политического воспитания юношей и деву-

шек, формирования марксистско-ленинского мировоззрения, классовой закалилки, непримиримости к буржуазной идеологии и морали.

О неразрывной связи комсомольских поколений разных лет, о вдохновляющей роли партии в трудовых и ратных свершениях советской молодежи, о славных делах сегодняшней комсомолки говорили выступавшие на заседании.

С подъемом участники заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, товарищу К. У. Черненко.

ВИЗИТ В МОСКВУ

17 июля в Москву по приглашению Советского правительства с официальным визитом прибыл член Политбюро ЦК НРПК, Председатель Совета Министров Народной Республики Кампучии Чан Си.

На аэродроме Чан Си встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, кандидат в члены

Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

17 июля в Кремле состоялись переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с членом Политбюро ЦК НРПК, Председателем Совета Министров НРК Чан Си.

Переговоры проходили в атмосфере сердечности и единства взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

В тот же день в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание соглашения о создании советско-кампучийской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Во время переговоров.

Фото И. Зотина, В. Кошевого (ТАСС)

Перед полетом экипаж космического корабля «Союз Т-12» побывал на Красной площади. Справа налево — командир корабля В. А. Джанибеков, бортинженер С. Е. Савицкий, космонавт-исследователь И. П. Волк и начальник Центра подготовки космонавтов Г. Т. Береговой.
Фото А. Пушкарёва (ТАСС)

**СООБЩЕНИЕ
ТАСС**

В ПОЛЕТЕ «СОЮЗ Т-12»

В соответствии с программой исследования космического пространства 17 июля 1984 года в 21 час 41 минуту московского времени в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля «Союз Т-12», пилотируемого экипажем в составе командира корабля дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР полковника Джанибекова Владимира Александровича, бортинженера Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Савицкой Светланы Евгеньевны и космонавта-исследователя Волка Игоря Петровича.

Программой полета корабля предусмотрена стыковка с орбиталь-

ным комплексом «Салют-7» — «Союз Т-11». Владимиру Джанибекову, Светлане Савицкой и Игорю Волку предстоит выполнить научно-технические исследования и эксперименты совместно с Леонидом Кизимом, Владимиром Соловьевым и Олегом Атьковым, работающими на борту пилотируемого комплекса с 9 февраля 1984 года.

Бортовые системы корабля «Союз Т-12» функционируют нормально. Самочувствие Владимира Джанибекова, Светланы Савицкой и Игоря Волка хорошее. Экипаж корабля «Союз Т-12» приступил к выполнению намеченной программы полета.

За высотой высота

Недавно в красном уголке стапельного цеха состоялась необычная кинопремьера. Судосборщик из нашей бригады В. А. Боголюбов показал товарищам свой новый фильм, посвященный строительству четвертого советского атомного «Россия».

Премьера собрала полный зал. Герои фильма — сварщики, механики, такелажники, сборщики — с удовольствием узнавали себя на экране. Большинству краснеть не пришлось, но кое-кого этот неожиданный взгляд со стороны явно застал врасплох. В целом же еще раз убедился: несмотря на отлаженный вроде бы механизм строительства, есть еще в нашей работе резервы, реализация которых не требует каких-либо дополнительных затрат, а зависит исключительно от нас самих.

Пристальное внимание к такого рода резервам — примечательная черта нынешней пятилетки. Девиз ленинградцев «Весь рост объемов производства — за счет технического прогресса, максимальной загрузки оборудования и экономии ресурсов» точно отражает суть процесса, характерного для всех предприятий города и области, стремящихся достойно выполнить задания, намеченные XXVI съездом партии.

В их числе коллектив нашего Балтийского судостроительного завода имени Серго Орджоникидзе, обратившийся недавно к трудовым коллективам страны с призывом развернуть социалистическое соревнование за успешное завершение заданий пятилетки.

В частности, мы решили увеличить объем производства за пятилетку на 33 процента, превысив задание на 5,4 процента; дали слово на год раньше срока завершить строительство нового мощного атомного ледокола «Россия» и сдать его в эксплуатацию как наш трудовой подарок предстоящему XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Вот уже пятнадцать лет подряд завод успешно справляется с государственными планами, как правило, досрочно сдает заказчикам самые сложные корабли. Ну, а когда ударный труд становится традицией, не приходится удивляться тому, например, что на сегодняшний день задания четырех лет пятилетки уже выполнили более пятисот человек, сорок семь бригад.

О бригадах разговор особый. Очень точно

сказал об этой форме организации и стимулирования труда К. У. Черненко:

«Она рождена в самой гуще масс и является результатом социального творчества народа».

В этой пятилетке 81 процент наших рабочих будет охвачен бригадной формой труда с оплатой за конечный результат. Жизнь давно убедительно доказала ее преимущества, и цифра эта родилась не в кабинетной тиши, а именно «в самой гуще масс», желающих по-новому строить свои производственные отношения.

Они не всегда бывают гладкими. Вернувшись как-то из Болгарии, где отдыхал по бесплатной профсоюзной путевке, я узнал, что без меня бригада приняла самостоятельное и, в общем, верное решение — расстаться с человеком, который достаточно долго кормил нас обещаниями относиться к работе добросовестно.

Осталось нас всего семь человек (еще один товарищ, Евгений Махов, пошел на повышение, был рекомендован нами на должность бригадира), но на «России» мы трудимся со значительным опережением тех графиков, что считались рекордными при строительстве предыдущих атомных. И дело не только в сноровке, обретенном опыте, но и в том, что из безудных мальчишек — выпускников ПТУ — выкристаллизовался коллектив единомышленников, спаянных единой высокой целью.

Геннадий Жуков, Саша Иванов, Виктор Ткачук один за другим приходили в бригаду после окончания базового училища, затем, когда наступал призывной возраст, становились военными моряками. Три года морской службы — достаточный срок для раздумий, и мне как наставнику радостно, что в этот переломный момент жизни ребята не забывали завод, писали нам, просили сохранить их место в бригаде. Значит, поняли они вкус нашей нелегкой работы, почувствовали принадлежность к трудовой семье балтийцев.

Творческий поиск, постоянная учеба стали для нас потребностью. Ведь мы заняты делом удивительным в масштабах всего мирового судостроения: никто и нигде более таких богатей, как наши, не строит. Это очень интересная работа, и каждому хочется в ней участвовать.

Особенно заметны хорошие перемены в последнее время. И прежде всего в отношении к качеству своей работы. И не случайно в бригадах по инициативе самих тружеников было проведено более пяти тысяч так называемых самофотографий рабочего дня, позволяющих объективно судить о том, как действительно используются восемь рабочих часов, какую отдачу дает ценное оборудование.

Конкретнее, точнее стали наши обязательства. Скажем, токари-карусельщики, возглавляемые депутатом Верховного Совета СССР И. И. Жирновым, наметили сверхплановый рост производительности на 2,2 процента, и я знаю, что каждая доля этих дополнительных процентов обоснована точным знанием возможностей и людей и станков.

Подобная конкретность, уверенность в своих силах и позволили коллективу завода запланировать годовое опережение сроков сдачи «России». Но когда я говорил о резервах, то не упомянул еще одного обстоятельства — нашей зависимости от партнеров по соревнованию.

Более 350 предприятий, объединений, свыше ста научных, проектных, конструкторских организаций помогли нам строить предыдущий атомный. В большинстве своем они же сотрудничают с нами и сейчас. И, в общем, не подводят. И все же накладки случаются. Нам, сборщикам, для дальнейшего повышения производительности нужны хорошие гидравлические домкраты. Поставляют их севастопольцы. Задуманы домкраты отлично, а сделаны из рук вон плохо.

Есть претензии и к конструкторам. Мы, конечно, ценим их стремление постоянно совершенствовать свои технические решения. Однако то, что легко изменить в чертежах, ох как непросто переделать в металле. Уверен, однако, что все эти шероховатости будут устранены. Впереди новые корабли, новые высоты, дорогу к которым мы прокладываем уже сейчас. В день торжественного спуска «России» нашей бригаде доверена честь заложить первую секцию нового балтийского атомного.

А. ПОТАПОВ, бригадир судосборщиков Балтийского завода имени Серго Орджоникидзе, председатель совета бригадиров

ЖИТНЫЙ, ПЕКЛЕВАННЫЙ И ...ЛЕПЕШКИ

Взяться за перо меня побудил репортаж К. Барыкина, напечатанный в журнале «Огонек» (№ 20, 1984 г.) «Житный, пеклеванный и лаваш». И дело, сразу скажу, не только в том, что репортаж написан с большой заинтересованностью в решении поставленных вопросов...

Я хотел бы поговорить о производстве национальных хлебобулочных изделий. Узбекские лепешки — многовековая история нашего народа. «Оби-нон», «гизда», «оснеги-нон», «патыр-нон», «лочира», «байрам-нон», «туй-нон» — всего более сорока наименований. Они выпекаются повседневные и праздничные — с курдючным жиром, сливками, яйцами; с отделкой луком, седакой, кунжутом.

Каждое изделие имеет свою форму, поэтому производство лепешек — труд ручной. Выпечка ведется в специальной печи — тандыре. Представьте себе перевернутый керамический горшок больших размеров с отверстием сверху или сбоку — это и есть тандыр. На

его раскаленный свод и сажают мастер-пекарь тестовую заготовку.

Надо сказать, что многое сделано по механизации производства национальных изделий. И специальные печи для выпечки лепешек изобретены. Эти печи успешно эксплуатируются не только в нашей республике, но и в Таджикистане, Киргизии, Казахстане, интерес к ним проявлен некоторыми зарубежными странами. Лепешечные цеха с магазинами при них построены в самых густонаселенных районах городов республики, и это позволило приблизить производство лепешек к потребителю. Появилась возможность продавать лепешки горячими — с пылу с жару. Все это позволило увеличить объемы производства, но не решило всех задач.

Одним из главных вопросов была и остается подготовка пекарей, тестомесов, дрожжеваров. Опытные мастера уходят на отдых, а молодежь с большой неохотой идет на хлебопекарные предприятия. Видимо, назрела необходимость профориентации начиная со школьной скамьи, с организацией обучения на действующих хлебопекарных предприятиях, чтобы приучать мо-

лодежь к этому нелегкому, но благородному труду постепенно. А уж кто полюбит печь хлеб, тот никогда от него не отстанет, не уйдет.

Еще одна забота — качество муки. Руководители хлебопекарных предприятий все чаще обращаются в научные организации, спрашивают: как из муки пониженных кондиций получить высококачественный хлеб? Мы, в свою очередь, даем рекомендации об улучшении каких-то показателей. Но как из муки, на которую нет ГОСТа, сделать хлеб, отвечающий требованиям стандарта? Говорят, стандарт не утвержден из-за разногласий между поставщиками муки и пекарями. Может быть, настала пора им сесть за стол переговоров? Ведь решаются и более серьезные проблемы. Утверждение ГОСТа на муку подтянет работу предприятий Министерства заготовок, потребует от них улучшения технологических режимов...

Полностью присоединяюсь к мнению о необходимости совершенствования организации торговли хлебом и хлебобулочными изделиями. Изучение потребительского спроса — это не просто связь, а деловое содружество торговли с промышленностью, яркая, доходчивая реклама на новые виды продукции, создание сети специализированных магазинов, все это необходимо сейчас.

Хлеб — продукт общественный; хлеб — дело общее. Успех зависит от согласованности в работе всех звеньев, занятых его производством.

А. ВАПАЕВ, декан факультета технологии хлебопродуктов Бухарского технологического института пищевой и легкой промышленности, кандидат технических наук

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 30 (2975)

21 ИЮЛЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

Горячая стель. Звено комбайнов на подборе валков озимой пшеницы.

Стратеги уборки — председатель колхоза «Память Ленина» Тимашевского района А. П. Сидоренко и главный агроном В. П. Пашков.

поле-84

КУБАНСКАЯ СТРАДА

Фоторепортаж А. ГОСТЕВА

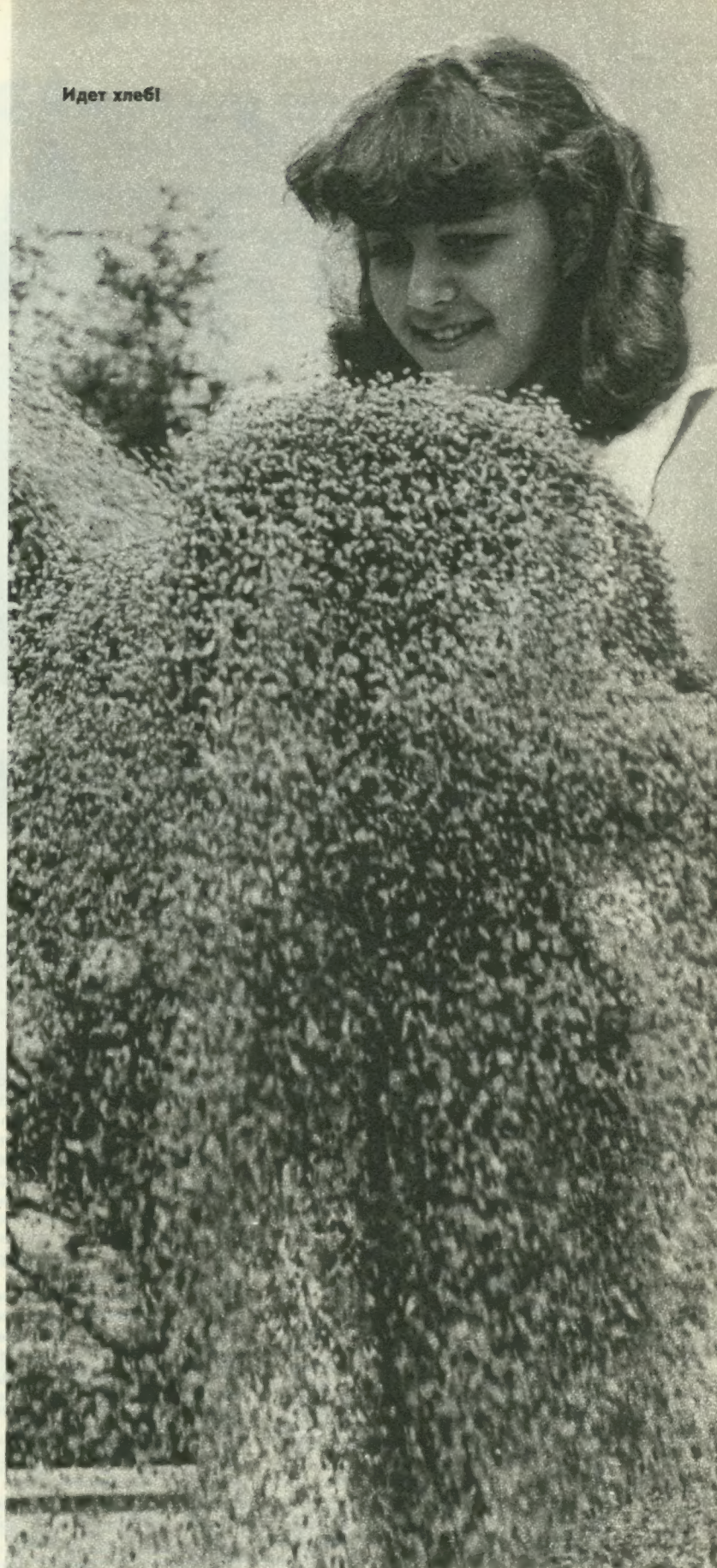
На колхозном току.

Каравай из зерна нового урожая — лучшему комбайнеру Николаю Недбаеву.

Идет хлеб!

Молодой комбайнер Алексей Карташов идет вровень с опытными мастерами.

Расправа английских «бобби» с бастующими шахтерами.
Фото ТАСС

БОРЬБА, ПРОДИКТОВАННАЯ ЖИЗНЬЮ

Поселок Изингтон, возникший в графстве Дурхэм около 80 лет назад, населен горняками, девятнадцатую неделю продолжающими забастовку протеста против правительственных планов, нацеленных на закрытие по меньшей мере 20 «экономически невыгодных» шахт и увольнение около 20 тысяч «лишних» трудящихся. Это один из множества поселков, разбросанных по всей Великобритании, которому уготована участь стать жертвой антинародной политики консервативного правительства М. Тэтчер, во время правления которого число безработных в стране превысило три миллиона человек. Только в Изингтоне за последние два года на работу в забоях не был принят ни один молодой человек, окончивший школу. А к концу нынешнего года лишь один выпускник из пяти вынашивает слабые надежды получить хоть какое-нибудь применение своим рукам. Внешний вид поселка за прошедшие десятилетия не только не улучшается, но неуклонно ухудшается, ибо ни властям, ни владельцам шахт нет никакого дела до условий, в которых живут горняки после изнурительного и опасного рабочего дня.

Положение шахтеров Изингтона значительно ухудшилось в результате затяжного экономического кризиса, охватившего несколько лет назад капиталистические страны Запада. С целью снизить добычу угля, спрос на который в результате экономического спада сократился, Национальное управление угольной промышленности объявило 6 марта о решении закрыть ряд шахт. Английские тредюнионы опасаются, что правительственными планами предусматривается увольнение гораздо больше официально объявленного числа тружеников.

Именно против этих намерений правительства тори продолжают

решительную борьбу английские шахтеры. Эта справедливая борьба, которая практически сразу приобрела политический и общенациональный характер, учитывает интересы более 100 тысяч горняков, вся жизнь и доходы которых тесно связаны с забоями.

Шахтеры ведут свою борьбу в исключительно сложных условиях. Давно исчерпав накопления от трудовых доходов, шахтеры теперь вынуждены отказываться от оплаты счетов за электричество, газ и жилье. Реакционные круги через послушные им прессу и телевидение всеми силами стремятся исказить справедливые требования трудящихся. В высшем законодательном органе страны — парламенте эти же силы требуют от парламентариев, выражающих демократические взгляды, фактически предать интересы стачечников.

Сознавая всю тяжесть положения семей горняков, в первую очередь детей, представители широкой общественности Великобритании развернули кампанию сбора материальных средств и продовольствия в фонд помощи шахтерам. На улицах британской столицы и, по сообщениям печати, других городов и поселков страны можно практически ежедневно видеть активистов движения солидарности с пикетчиками, которые у продовольственных магазинов, у заправочных станций призывают граждан оказывать посильную помощь трудящимся, отстаивающим в мужественной борьбе интересы практически всех рабочих и служащих Великобритании, независимо от того, объединены они в тот или иной профсоюз или нет. От результатов стачки горняков зависит перспектива борьбы различных отрядов трудящихся за свои элементарные человеческие права, главным из которых остается право на

труд, избавление от угрозы необоснованных увольнений. Эта мысль глубоко понимается профсоюзами транспортников, моряков, докеров, другими организациями рабочего класса, которые разворачивают движение солидарности с забастовщиками. В первых рядах этого мощного движения стоят коммунисты Великобритании. Даже некоторые парламентарии, которым глубоко чужды требования шахтеров, в погоне за голосами избирателей вынуждены предлагать меры, направленные на урегулирование этого серьезного конфликта в интересах многотысячного отряда горняков. Так, на днях группа, насчитывающая 39 членов парламента от лейбористской партии, разослала в муниципальные советы в своих избирательных округах программу из 20 пунктов, в которой призвала наращивать кампанию поддержки горняков материальными средствами, предоставлять трибуну для выступления представителей пикетов с тем, чтобы те донесли до населения правду, не извращенную буржуазными средствами пропаганды. Как указали парламентарии, предоставление такой помощи не противоречит английскому законодательству.

Буквально разъяренные размахом стачки и кампании солидарности, власти не гнушаются никакими средствами в неукротимом стремлении подавить выступление горняков. Не проходит и дня, чтобы газеты и телевидение не сообщили об арестах пикетчиков, которые яростно сопротивляются попыткам предпринимателей и полиции провести в бездействующие забой штрейкбрехеров. Та самая английская полиция, которая по примеру своих американских «колег» тщательно охраняет вылазки неонацистов, жестоко расправляется с участниками горняцких пикетов. Горняков избивают, аре-

стовывают, продукты и деньги, собираемые для шахтерских семей, конфискуются. С молчаливого одобрения «стражей законности и порядка» хулиганами и провокаторами всех мастей ведется разнузданная кампания травли и угроз против семей пикетчиков. На стороне предпринимателей угольной индустрии стоит суд, который на днях запретил национальному профсоюзу горняков, возглавляемому Артуром Скаржиллом, провести двухдневную конференцию для обсуждения вопросов, связанных с их борьбой. На повестке дня, в частности, стояла проблема отношений с теми отщепенцами из профсоюза, которые, пойдя на сговор с властями и промышленниками, согласились возобновить работу в забоях. И хотя руководство профсоюза ожидает наказание за «неуважение к суду», оно успешно провело свой форум.

Не остается в стороне от аналогичных акций и Национальное управление угольной промышленности. Как отмечала на днях газета «Гардиан», глава этого ведомства Я. Макгрегор в отношении стачечников «ведет себя, как американский генерал, пытавшийся стереть с лица земли патриотов Вьетнама».

Борьба горняков продолжается. Стаечников не пугают угрозы ни судебной, ни физической расправы. Их борьба продиктована самой жизнью, политикой консервативных властей, пытающихся подмять профсоюзы, превратить их в послушный, «смирный» аппарат подавления выступлений трудящихся за насущные права. И в этой борьбе, как неоднократно подчеркивал А. Скаржилл, не может быть и не будет компромиссов.

Виктор БОРОДИН
[корреспондент ТАСС,
специально для «Огонька»]

«Я НЕ НАМЕРЕН СДАВАТЬСЯ»

«Хорошие индейцы — мертвые индейцы» — это гнусное выражение принадлежит американскому генералу Шеридану, известному по кровавым расправам в прошлом веке над индейскими племенами Америки. Такая тактика была на вооружении расистов «свободной» страны сто лет назад, не нанула в Лету она и сейчас. Бесчинства против непокорных, терроризм против национальных меньшинств — все это характерно для политики американских властей. Наглядный тому пример — преследование ни в чем не повинного лидера американских индейцев Леонарда Пелтиера.

Около 10 миллионов краснокожих жили некогда в прериях — сейчас в США осталось всего около миллиона индейцев. Смириться с расправами, голодом и угнетением? Разве мог сделать это народ, в жилах которого течет кровь смелых ирокезов, мужественных навахов, неустрашимых сиу? И индейцы Америки поднялись на борьбу, борьбу жестокую и неравную.

В 1973 году индейцы племени сиу, владевшие некогда плодородными землями на берегах Миссури, решились на открытую борьбу. По инициативе «Движения американских индейцев» они заняли район Вундед Ни и поклялись сражаться до тех пор, пока власти Соединенных Штатов не дадут публичного обещания честно и серьезно разобраться в их жалобах на все притеснения и обиды.

Восставшие не случайно разбили свой лагерь у Вундед Ни. Здесь в 1890 году произошло событие, которое легло позорным пятном на «цивилизованную Америку». В тот день в Вундед Ни разыгралась кровавая трагедия: кавалерийский полк армии США окружил мирный индейский бивуак и безжалостно расстрелял 300 безоружных жителей, включая женщин, стариков и детей.

После 71 дня осады полицейскими и агентами ФБР удалось ворваться в Вундед Ни. Десятки

индейцев были брошены за решетку. Но с тех пор «Движение американских индейцев» неутомимо росло и набирало силу. Под его руководством индейцы все чаще захватывают принадлежащие им земли, участвуют в маршах протеста, организуют сбор продовольствия для нуждающихся. Движение стало важным фактором в сплочении и организации коренных жителей страны.

Власти США предпринимают немало усилий для изоляции, дискредитации и физической расправы над руководителями американских индейцев. Один из них, Леонард Пелтиер, стал жертвой американской Фемиды. По сфабрикованной версии он в 1977 году был брошен в тюремный каземат.

ФБР состряпало против него обвинение в убийстве двух своих агентов летом 1975 года на территории индейской резервации Пайн-Ридж. Это была явная провокация американских властей. «Я не совершил никакого преступления, все обвинения против меня были грубо сфабрикованы», — заявил на днях Пелтиер. — Но, несмотря на факты, власти упорно отрицают очевидное. Администрация США преследует меня потому, что я поднимал массы на борьбу против тирании и угнетения».

Власти пытались сломить волю Пелтиера, заставить его отступить и предать свой народ. Но ни жестокие преследования, ни травля, ни угрозы не сломили мужественного борца. «Я не намерен сдаваться», — заявил Леонард Пелтиер. Все честные люди требуют положить конец преследованиям лидера американских индейцев.

Борьба за гражданские права коренных жителей Америки усиливается с каждым днем. Их поддерживают передовые люди Америки, о солидарности с ними заявляет во весь голос все прогрессивное человечество.

В. ДУНАЕВ

На снимке: арестованный Леонард Пелтиер в наручниках.

ПРИСПОСОБИТЬСЯ ИЛИ УМЕРЕТЬ

«Раздел 10» конституции ЮАР чернокожие жители давно выучили наизусть. Именно в этом ставшем притчей во языцех разделе оговорены те случаи, в которых коренное население имеет право жить в городах своей страны. Слушаев, надо сказать, немного. К примеру, для проживания в том или ином месте африканец обязан документально подтвердить, что именно в этом районе он родился, что работал в одной и той же компании не менее десяти лет или имел различные места работы в том же районе в течение пятнадцати лет.

Однако не так просто соответствовать всем этим положениям расистских законов. Точнее, для большинства чернокожих жителей ЮАР просто невозможно. Никем еще не подсчитано, сколько их, обездоленных, кое-как существующих в поисках выхода из создавшегося положения, скитается сейчас по стране. Одни построили лачуги или хижинки на пустырях «черных» населенных пунктов, другие нашли временный приют на мелких фермах близ городов, третьи — просто под открытым небом, на полянах для игры в гольф, где сооружают себе для ночлега «крыши» из картонных коробок. Они живут где угодно, лишь бы свободный клочок земли имел близость кустарник или дюны, где в случае необходимости можно было бы скрыться от бдительных властей. Живя фактически вне за-

кона, эти люди не имеют права ни на пенсию по старости, ни на пособия по безработице, ни на официальную регистрацию в качестве трудящихся.

Но и тем, кому, согласно положению «раздела 10», милостиво разрешено легально жить в городах, приходится порой не легче. Немалая сложность — найти жилье для своих семей, потому что власти наложили жесткие ограничения на количество земельных участков и жилищ, предоставленных в распоряжение чернокожих граждан.

Возникает закономерный вопрос: а есть ли вообще в ЮАР места, где любой африканец может построить себе жилище, не опасаясь, что оно будет снесено полицейским бульдозером?

Да, такие места есть. Трансией, Бопутатсвана, Венда, Сискей... Так называемые хоумленды, территории для чернокожего населения, находящиеся под управлением угодной властям племенной олигархии, а по сути, резервации для коренных жителей страны, свалили для людей, как их еще называют в ЮАР.

Последнее определение полностью соответствует действительности. Именно в этих лишенных элементарных удобств резервациях в грязи и нищете намерены расистские правители поселить в конечном итоге двадцать два миллиона человек, то есть семьдесят процентов населения страны.

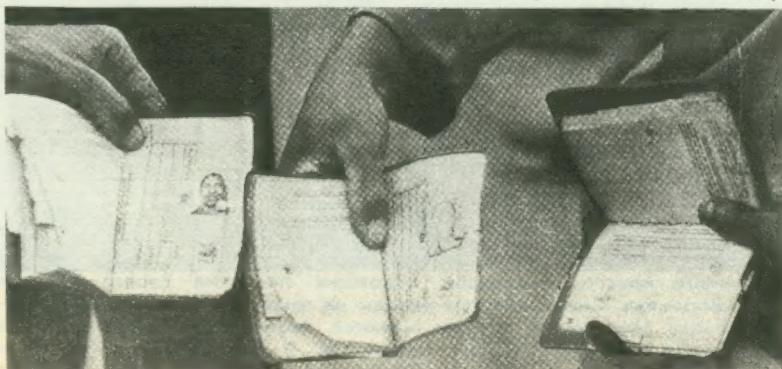
Чудовищный эксперимент продолжается. Жители хоумлендов (сейчас их уже более 8 миллионов) практически потеряли гражданство ЮАР, оказались изгнанниками на территории собственной страны. «Приспособиться или умереть» — такую циничную политику по отношению к ним провозгласи-

ли премьер-министр Бота и его партия сразу же после прихода к власти в 1978 году. То, что происходит сегодня в хоумлендах, — наглядное подтверждение бесчеловечности расистской политики. Приспособиться к этому невозможно.

А. СОКОЛОВ

В соответствии с действующим в ЮАР законодательством африканцы всегда должны иметь при себе и предъявлять по первому требованию полиции ряд документов, удостоверяющих личность, расовую и племенную принадлежность, местожительство, регистрационный номер, сведения об уплате налогов, а также ежемесячную отметку работодателя. Отсутствие одного из этих документов ведет к длительному тюремному заключению и крупному штрафу.

Фото из газеты «Крисчен сайенс монитор»

«ВАШИ ПОРТРЕТЫ ЖИВУТ...»

Ирина ПИРГОВА

Было это три года назад.

В выставочном зале на улице Горького открылась выставка Александра Шилова, которая, можно сказать смело, сразу стала центром внимания не только любителей живописи, но и самых разных людей, даже тех, которые прежде в себе такого увлечения не замечали.

Помню очередь почти в квартал длиной, которую пришлось выстоять. Все терпеливо стояли друг за другом, и даже ненастье никого не пугало. А за освещенными окнами жили своей, не похожей ни на чью другую жизнь портреты.

Голубоглазый, такой близкий нам всем Юрий Гагарин.

Щурился, словно бы заглядывая в самого себя, в свое непростое прошлое пожилой крестьянин — «Хозяин земли». О нем надо говорить особо. О его глазах, видевших войну, все, что она принесла, страшные потери. Он — плоть от плоти нашей земли. На таких людях она стоит, ими держится и будет держаться во веки веков.

Как-то по-особому тепло воспринимались и пытливые, полные предчувствия счастливых перемен, затаенной надежды темные, глубокие глаза старшей из двух очаровательных девочек на картине «Сестры».

Каждый из героев художника словно бы вступал со зрителями в незримый диалог, именно тебя, казалось, спрашивал о чем-то важном или делился сокровенным.

Это закономерное торжество принципов Шилова. Свою программу он утверждает в картинах-портретах, слагающихся в яркий многогранный образ нашего современника.

В этом коллективном портрете поколений все его участники дороги художнику, и каждый неповторим. Вот на фоне пшеничного поля, необозримой дали земли, помеченной синей полоской леса, крупным планом выписан старик в гимнастерке с погонами ефрейтора. Он сед как луна, и эта седина еще рельефнее подчеркивает загар от степного солнца и ветра, десятилетиями обжигавших лицо. Да, перед нами человек, твердо стоящий на родной земле, как крепкий кряжистый дуб. А в пронзительном взгляде, в доброй усмешке под пышными усами таится мудрость, знание цены всему: и радости, и горю, и поту, и крови.

«Непобедимый» — назвал Шилов свою картину.

Две медали «За отвагу», орден Красной Звезды и гвардейский значок на старой, любовно сохраненной гимнастерке говорят нам о солдатском подвиге. И все-таки это мирный Непобедимый. В его лице выявлена нравственная сущность советского человека — неразрывная связь с родной землей, готовность охранять ее и защищать, но никогда не льститься на чужую.

Если бы даже нам ничего не было известно о дважды Герое Социалистического Труда, лауреате Ленинской, Государственных и Нобелевской премий академике Николае Николаевиче Семенове, нас все равно остановил бы портрет, приковало бы лицо мудрого ученого: поразительная сила и глубина его взгляда, которому дано видеть больше, чем нам. Благородные линии высокого лба, строгая простота всего облика. Кажется, художник рассмотрел в своем герое нечто заветное и рассказал об этом тонко, сдержанно.

Да и Семенов, представленный на полотне, будто доверяет художнику. И действительно, вот его слова: «Искусство Шилова с его стремлением познать тайну души человека вызывает глубокое ответное чувство сопереживания. Есть ли цель более высокая и гуманистическая, более понятная всем людям? Подобное подвластно только зрелому мастеру, творчество которого проникнуто любовью к человеку, своему народу и своей Родине».

Человек, его взаимодействие с временем и абсолютная его неповторимость притягивают художника. Вот почему мы внимательно вглядываемся в старую, сухонькую женщину — «Моя бабушка». Как скромна она, как прекрасна своей воистину светящейся добротой! Испытания, потери иссушили лицо, руки, покрыли сетью морщинок лоб, а глаза — поразительные глаза заключают в себе целую жизнь, целый мир.

Александр Шилов всегда чрезвычайно внимателен. Упорно работает, отделяя тончайшие детали не только лица, но и одежды, фона. Это отнюдь не натурализм.

Не бездушная, любопытствующая тяга к подробностям, которыми иногда авторы портретов щедро декорируют полотно в ущерб самой модели. Посмотрите, как мастерски объемно выписана голова льва на старинном кресле, в которое художник поместил своего учителя В. А. Воронина. Сияют золотые звезды на груди у космонавта В. И. Севастьянова. Натуральны и даже, кажется, позванивают тщательно изображенные ордена и медали летчика М. В. Водопьянова. Но блеск атрибутики, парадность одежд и костюмов, точность деталей никогда

не заслоняют значительности изображаемого человека, кем бы он ни был.

Живописца влечет изобразительная сторона сюжета, поэтому и мы, вглядываясь в картину, обнаруживаем немало ярких, интересных деталей, еще более приближающих нас к модели. Он с одинаковым вниманием пишет старенький, отполированный временем ременьный кнут пастуха и причудливый серебряный узор на платье Н. П. Мурыгиной. Дивный струящийся водопад русых волос Наталии — сколько поэтичности, романтизма, легкости в этом портрете. Яркий контраст узкой золотой полоски кольца на загорелой руке женщины в красном, волшебно дирижерскую палочку в руках Арама Хачатуряна...

Первым наставником пятнадцатилетнего подростка стал преподаватель изостудии Дома пионеров и школьников Октябрьского района Москвы Василий Александрович Воронин, мастер пейзажа, педагог внимательный и тонкий, умевший в каждом из учеников угадать неповторимость и освободить ее от наносного, вторичного. Заботясь о том, чтобы незаурядность юного живописца не погибла, учитель был чрезвычайно требователен, порою беспощаден. Зато как это помогло Александру в Суриковском институте...

Его старшим другом и наставником стал Александр Иванович Лактионов, блестящий знаток классики, замечательный рисовальщик и живописец.

Но, пожалуй, даже таланта и трудолюбия было мало, чтобы утвердиться. Требовались еще и бескомпромиссное упорство, воистину фанатическая вера в избранный путь — к человеку, к сути нашего современника.

Шилов предельно понятен. Он не стремится поразить зрителя эффектными или заумными приемами. Разве ясность не есть один из признаков художественной правды? Старые мастера уже давно ответили на этот вопрос, явив великую покоряющую силу формы, проявленного пластического языка. Этот мастер достаточно молод. Но только по возрасту. Созданная им галерея портретов, пейзажей так основательна, что иному хватило бы сделанного до конца жизни. Но художника отличает завидная неуспокоенность, требовательность к себе, жажда постоянного совершенствования.

Не оттого ли искушенные в живописи парижане, посещая в 1981 году в Галерее на бульваре Распай выставку Александра Шилова, щедро отдали дань его мастерству и той великой миссии дружелюбия и открытости для себя советского характера, которую он осуществил своими полотнами? «Ваши портреты живут за рамой», — записал один из посетителей выставки. И это так: движение жизни, движение мысли в картинах Шилова особенно ценно. Это отмечали и посетители его выставок в ФРГ и те, кто видел его полотна на выставке в Португалии.

Так в чем же новое Александра Шилова? Человек — вечно старая и вечно новая тема для всякого настоящего художника. Запечатленный миг его жизни — это запечатленный мир. Мир, который стоит того, чтобы им восхищаться, беречь его, служить ему в полную силу таланта и души.

Можно еще смело говорить о том, что в главном Шилов верен своим учителям. И тем, что ушли, подарив нам великое искусство. И тем, что настаивал его при первых самостоятельных шагах в творчестве.

Вглядимся в портрет актера и кинорежиссера, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Сергея Бондарчука. Больше всего в нем привлекает глубина миропонимания, человечность и еще неуспокоенность, неутоленная жажда творить.

Портрет Машеньки покоряет своей трогательной чистотой, мягкой задумчивостью, нежным светом глаз, широко и с веселым любопытством смотрящих на мир, улыбкой, затаившейся в уголках губ. И снова одна из тем, наиболее волнующих художника, — закат жизни, одиночество.

Картина «Вдвоем» трогательна в лучшем смысле этого слова, она задевает душу своей печалью, ощущением неизбежности, но печаль эта светла.

Портрет народного артиста СССР Евгения Райкова в роли Ноздрева так и хочется назвать портретом самого Ноздрева. Актер и художник рисуют его нам, кажется, именно таким, как мы его представляли: бахвал, гуляка, беззащитный игрок.

...И снова вспоминаю выставочный зал, теперь уже на Кузнецком мосту. Множество собравшихся у картин людей. Очереди. Дискуссии. Споры.

Ну что ж! Споров не надо бояться. Они полезно проверяют характер, закаляют дух. Ведь путь-то предстоит неблизкий — длинный в целую судьбу плюс судьбы всех героев, которых встретил и встретит на этом своем пути народный художник России Александр Шилов.

А. Шилов. Род. 1943. НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК. 1983.

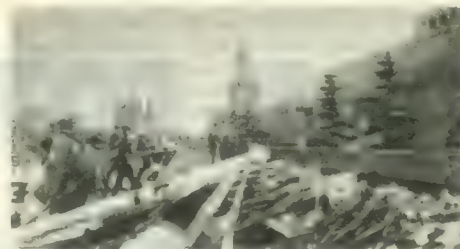

А. Шилов. МАШЕНЬКА ШИЛОВА. 1983. Пастель.

«УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДЫ, ОТЗОВИТЕСЬ!»

Все ближе и ближе знаменательная дата — 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Редакция журнала «Огонек» обратилась (№ 19, 1984 г.) к участникам Парада Победы: расскажите о своем боевом пути, о самых памятных событиях войны, о своих фронтовых товарищах, о том, как сложилась жизнь в послевоенные годы. Сегодня мы публикуем первую подборку этих писем.

Ждем ваших новых писем, дорогие ветераны! Мы будем также рады письмам друзей, родственников и сослуживцев участников Парада Победы.

ЧЕСТЬ ГВАРДЕЙЦА НЕ УРОНИЛ

Мне выпала честь воевать в составе 21-й гвардейской Житомирско-Венской, Порт-Артурской четырехжды орденоносной танковой бригады, начиная с обороны Сталинграда, окружения и разгрома армии Паулюса. Потом участвовал в Курской битве, Корсунь-Шевченковской, Ясско-Кишиневской операциях, воевал в Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. В ночь с 8 на 9 мая мы вошли в восставшую Прагу, совершив чрезвычайно трудный пятисуточный марш с боями, и выручили восставших пражан.

В то время я был командиром роты, знаменосцем бригады. И вот мне и десяти младшим командирам выпала честь быть участниками Парада Победы. Так как наша бригада считалась одной из самых заслуженных, по решению командования на парад было направлено знамя бригады. С этим знаменем я прошел по Красной площади 24 июня 1945 года в первой шеренге боевых знамен частей 2-го Украинского фронта.

Пока мы готовились к параду, 6-ю гвардейскую танковую армию погрузили в эшелоны и направили на восток для участия в войне с милитаристской Японией: наша армия в отличие от других имела хороший боевой опыт ведения боев в

горах — Австрия, Австрийские Альпы. А на востоке нас ожидали Хинганский перевал и Квантунская армия. Так что на Парад Победы я выехал с боевым знаменем бригады из-под Праги, а свою часть догнал в степях Монголии.

В составе 21-й гвардейской танковой бригады мне выпала честь дойти до Порт-Артура и, как говорят, на Тихом океане свой закончить поход. В операции по разгрому Квантунской армии я был уже в должности командира батальона. В годы войны был награжден орденами Отечественной войны первой и второй степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Демобилизовался из армии в 1947 году. Больше тридцати лет работаю в одной из организаций треста «Союзстекломонтаж» Минмонтажспецстроя СССР. За свой труд награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя золотыми, одной серебряной и бронзовой медалями ВДНХ СССР, Почетным знаком Советского комитета ветеранов войны, присвоено звание «Заслуженный строитель РСФСР» и назначена персональная пенсия республиканского значения. Так что честь гвардейца не уронил!

А. БЕЛЬДИНСКИЙ,
заслуженный строитель РСФСР

Со знаменем — А. Бельдинский.

Я ШЕЛ ПРАВОФЛАНГОВЫМ

В октябре 1941 года из Новосибирска вместе с другими молодыми солдатами я прибыл для дальнейшего прохождения службы в Москву в отдельную мотострелковую дивизию особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского во 2-й мотострелковый полк.

Часть, в которой я служил, выполняла различные специальные задания командования: патрульная служба в Москве, ликвидация немецкого десанта в районе Боровска, охрана правительственной связи с фронтами, строительство оборонительных сооружений оноло

Москвы, а позже выполняла особые задания на Кавказе, в Крыму, Румынии, Польше, Литве.

По окончании войны наш полк стал готовиться к Параду Победы. В Москву стали прибывать для подготовки к параду и сводные полки фронтов, а также суворовцы и нахимовцы.

По 6 — 8 часов ежедневно занимались строевой подготовкой. В ходе подготовки два раза были проведены генеральные репетиции на центральном аэродроме.

Настал торжественный день 24 июня 1945 года. Был теплый пасмурный день, моросил мелкий дождь. В 10 часов командующий парадом Маршал Советского Союза И. К. Рокоссовский и принимающий парад Маршал Советского Союза Г. К.

Жуков начали объезд войск. У всех нас было приподнятое и торжественное настроение, мы были охвачены чувством огромной радости, ведь нам предстояла большая честь быть участниками исторического парада!

Батальон нашей дивизии шел со знаменами поверженных фашистских частей и соединений, которые были брошены около Мавзолея к ногам победителей. Я шел в одном из батальонов правого фланга во второй шеренге. Несколько позже нам, участникам Парада Победы, вручили текст с благодарностью Верховного Главнокомандующего, который сохранился у меня до сих пор.

С. СИЛАНТЬЕВ,
рабочий ярославского завода «Полимермаш»

ГОРЖУСЬ СВОИМ ДЕДОМ

Здравствуй, дорогая редакция!

Я хочу рассказать о своем дедушке Владимире Ивановиче Лукашине. Мой дед был простым русским солдатом из тех миллионов, которые защищали свою Родину. Начал он войну с самого первого ее дня и прошел нелегкий боевой путь от Москвы до Берлина. 24 июня 1945 года он принял участие в Параде Победы в Москве на Красной площади. Дед мне рассказывал, что день был серым, пасмурным, моросил дождь. Но у каждого человека на лице сияла улыбка, так как все долго ждали этого

торжественного дня. Дед гордился, что ему посчастливилось пройти по Красной площади в составе сводного полка 1-го Украинского фронта.

Вспоминаю, как готовился дед к каждому Дню Победы и надеялся отметить не только 40-летие, но и 50-летие Победы. Но этой мечте не суждено было сбыться. Мой дедушка умер. Но мы, комсомольцы, заверяем всех ветеранов, что, если понадобится, мы встанем на защиту нашей великой Родины.

В. ЛОГИНОВ,
14 лет

ГДЕ ЖЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ!

Я хорошо знаю ветерана Великой Отечественной войны Николая Филипповича Сизова. Он приехал к нам на целинные земли, где нужны были рабочие руки, и поступил на работу в передвижную механизированную колонну № 1131 плотником.

Николай Филиппович сразу же обратил на себя внимание отзывчивостью и скромностью. Немного проработав он плотником — вскоре его избрали бригадиром комплексной бригады. Никогда о себе он никому не рассказывал. В 1971 году в День Победы я зашел к нему в гости и был удивлен, увидев, сколько наград на его груди.

И вот снова я у него в гостях. Я внимательно вслушиваюсь в его слова, чтобы ничего не пропустить.

Десятилетним юношей он добровольно ушел на фронт. Был связистом 247-го батальона 121-й стрелковой дивизии. Николай Филиппович вместе со своими боевыми друзьями Н. Ефимовым, А. Уваровым, С. Донторовичем под пулями и взрывами бомб прокладывали телефонную линию для обеспечения надежной связи со штабом. Там Сизов получил первую награду — медаль «За боевые заслуги».

Во время форсирования Днепра он снова обеспечивал связь. Бойцы быстро проложили линию. Но едва они подключили аппараты, как неожиданно на

них напали фашисты. Тяжело было связистам, но они отбили атаку и продолжали поддерживать связь. Всю ночь им не пришлось сомкнуть глаз. К утру фашисты снова открыли пулеметный огонь и пошли в атаку, но бойцы и на этот раз выстояли. За мужество и героизм, проявленные в этом бою, Николай Филиппович был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Николай Филиппович признается, что ему тяжело вспоминать и рассказывать об этом и особенно мысленно видеть своих товарищей, которые остались на поле боя. Я больше не стал его расспрашивать, но наградные документы посмотрел. Оказывается, орденом Отечественной войны II степени он награжден дважды. А вот еще удостоверения: орден Красной Звезды, орден Славы III степени.

Да, нелегкий его боевой путь, который он закончил в Чехословакии. Оттуда Сизов был направлен в Москву для участия в Параде Победы. Вместе с ним поехали его друзья Уваров и Давыдов. О дальнейшей судьбе товарищей он ничего не знает. А так хочется, чтобы однополчане нашлись.

В. ШКИТИН,
старший прораб совхоза «Журавлевский»

ТАК ГОТОВИЛОСЬ

22 июня 1941 года

Герхард КЕГЕЛЬ

ОБМАННЫЕ МАНЕВРЫ ГИТЛЕРА

16 ноября 1940 года сохранилось в моей памяти особенно хорошо. Вместе с несколькими другими сотрудниками германского посольства я в ночной час, поеживаясь от холода, стоял на перроне Белорусского вокзала. Мы ожидали специальный поезд, которым возвращалась из Берлина в Москву советская правительственная делегация после переговоров с Гитлером и Риббентропом. Эта делегация на высшем уровне возглавлялась Председателем Совета Народных Комиссаров СССР, народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым. К специальному составу был прицеплен вагон посла фон дер Шуленбурга и советника Хильгера, которые тоже принимали участие в переговорах. Именно их и встречали прибывшие на вокзал сотрудники германского посольства.

На перроне собралось много советских официальных лиц. Военный оркестр готовился достойно встретить прибывающих. Всем нам не терпелось узнать что-либо о ходе и результате встреч и бесед в Берлине. Ведь советская делегация прибыла в германскую столицу по приглашению Гитлера. Советское руководство сочло целесообразным принять это приглашение, чтобы быть в курсе дальнейших планов и намерений берлинского правительства. Отказ еще более осложнил бы и без того уже напряженные отношения между Москвой и Берлином.

Когда поезд остановился, оркестр грянул «Интернационал» — тогдашний государственный гимн СССР. Поскольку 16 ноября 1940 года было и днем моего 33-летия, мне доставило удовольствие услышать боевой гимн международного рабочего движения. Мне вдруг показалось не столь уж и странным, что я, борец антифашистского Сопротивления, стою сейчас на перроне Белорусского вокзала среди сотрудников нацистского посольства и меня приветствуют «Интернационалом». Настроение у меня стало радостным.

На это даже обратил внимание мой шеф Хильгер. Как и посол, он был явно не в лучшем расположении духа. «Вы так радуетесь», — заметил он, когда мы здоровались. А когда я ответил, что сегодня у меня день рождения да к тому же, я полагаю, они привезли из Берлина хорошие, радостные вести, Хильгер прошептал: «К сожалению, ни о каких хороших новостях не может быть и речи. У нас будет завтра возможность поговорить об этом».

Я увидел его снова только через два или три дня. Хильгер рассказал, что присутствовал на всех беседах Молотова с Гитлером и Риббентропом. Ему пришлось переводить, так как главный переводчик министерства иностранных дел Шмидт, предназначавшийся для таких переговоров на высшем уровне, недостаточно хорошо знал русский язык. Поэтому они поделили работу между собой. Он, Хильгер, взял на себя перевод, а Шмидт вел протокол. Правда, и у Молотова были два своих переводчика — Бережков и Павлов. С немецкой стороны на беседах Гитлера с Молотовым присутствовал министр иностранных дел, а с советской — заместитель народного комисса-

ра. Посол фон дер Шуленбург на эти беседы допущен не был. В целом, продолжал Хильгер, следует констатировать, что эти беседы, порой принимавшие характер споров, привели скорее к обострению противоречий, нежели к их устранению. Фюрер явно разочарован и раздражен. Ведь Молотов твердо настаивал на получении от немецкой стороны ответа на ряд конкретных вопросов, интересовавших Советское правительство в первую очередь. Гитлер, который был явно недостаточно подготовлен к этим вопросам или не имел ничего сказать в ответ, отвечал уклончиво. А это, в свою очередь, не понравилось Молотову. Возникла неприятная ситуация.

Со временем я узнал от Хильгера еще многие подробности. Конкретно говоря, в результатах этих переговоров я видел подтверждение того, что заключенный на 10 лет договор о ненападении между Советским Союзом и империалистической нацистской Германией, вероятно, будет коварно и жестоко нарушен ею, точно так же, как ранее — договор о ненападении с Польшей. О том, как оценивают Гитлер и Риббентроп результаты берлинских переговоров, ни Шуленбург, ни Хильгер информированы не были.

Только из протоколов Нюрнбергского процесса и документальных публикаций послевоенного времени я узнал, как Гитлер подготовил свой первый разговор с руководящим представителем правительства Советского Союза, чего он хотел добиться этими беседами и каковы были его «непоколебимые» планы. В тот самый день, 12 ноября 1940 года, когда советская делегация во главе с Молотовым прибыла в Берлин, Гитлер дал секретную директиву № 18. В этой директиве говорилось: «Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начаты. Независимо от того, какие результаты будут иметь эти переговоры, продолжать все приготовления в отношении Востока, приказ о которых уже был отдан ранее устно. (Речь идет об указаниях ускоренно готовить военное нападение на Советский Союз с целью его уничтожения. — Г. К.) Директивы об этом последуют, как только мне будут доложены и будут одобрены мною оперативные планы сухопутных войск». И всего через несколько часов после того, как документ этот был подписан, Гитлер сел за стол переговоров с Молотовым.

При наличии такой концепции независимо от результатов переговоров Гитлер мог иметь лишь одно-единственное намерение: обмануть Советский Союз, чтобы бандитским приемом, присущим нацистам, «опокинуть его на обе лопатки». Сегодня мы, естественно, гораздо яснее, чем было возможно тогда, видим, сколь принципиально различны были те намерения, которые преследовали партнеры по берлинским переговорам 1940 года. Советский Союз хотел выяснить еще имевшиеся шансы на сохранение мира и по возможности не допустить грозящую войну. Берлинское же правительство посредством хотя и широко задуманного, но распознаваемого в силу своей примитивности и обманного маневра хотело создать благоприятные исходные позиции для уже предпринятого и готовившегося форсированными темпами военного нападения на СССР.

Еще ранее — это было в июле 1940 года —

мое внимание привлекло одно небольшое событие, которое можно было истолковать в этом духе. В отсутствие посла фон дер Шуленбурга поверенный в делах фон Типпельскирх был приглашен в Кремль. Там ему пришлось ждать целый час, пока Молотов не сообщил, что готов принять его. Типпельскирх был удивлен и обеспокоен, когда увидел в Кремле британского посла Крипса, явно вышедшего из служебных помещений Сталина, и сразу же сообщил об этом в Берлин. В ответ он как поверенный в делах получил задание путем запроса Советскому правительству установить, чего именно британский посол хотел от Сталина. Советское правительство попросило для ответа четырнадцать дней. Затем Молотов в общих чертах проинформировал вернувшегося Шуленбурга о политической акции нового английского премьер-министра Черчилля, направленной на установление более тесных отношений Великобритании с СССР. Подробности Шуленбург не узнал. Но так или иначе тем самым СССР обратил внимание Гитлера на то, что Советское правительство в любое время имеет альтернативу совместных действий с Великобританией.

Как известно, Уинстон Черчилль, с одной стороны, враг коммунизма, а с другой — реалистически мыслящий политик, стал 10 мая 1940 года главой английского правительства и министром обороны. Он был убежден в том, что жизненно опасная военная угроза нацистской Германии его стране может быть отвращена только путем совместных действий с Советским Союзом. А поэтому после разгрома британского экспедиционного корпуса на европейском континенте под Дюнкерком и военного поражения Франции он направил в Москву послом близкого к лейбористской партии Стаффорда Крипса с целью передать Советскому правительству конкретное предложение о сотрудничестве. 1 июля 1940 года Крипс был принят в Кремле Сталиным и по поручению Черчилля заявил ему, что германское господство в Европе означает большую опасность как для Великобритании, так и для Советского Союза. Поэтому оба государства должны договориться о совместной линии самозащиты против Германии.

Как мы теперь знаем из различных документальных источников, для Сталина инициатива Черчилля, который, будучи также и главой британского адмиралтейства, публично выступил против антисоветской пропаганды в Англии, за сотрудничество Великобритании с Советским Союзом, явно еще имела слишком малое значение. Однако Сталин счел целесообразным не обрывать контактов с Великобританией, рассматривая их в качестве «запасного средства». Потому он сказал британскому послу, что и с его точки зрения нацистская Германия — единственная действительная угроза для Советского Союза. Однако положение Советского Союза таково, что его правительство должно стремиться избежать открытого конфликта с Германией. Сталин не сделал секрета из своего опасения, что гитлеровская Германия нападет на Советский Союз, как только Великобритания будет повержена. Это сообщил 20 сентября 1940 года своему правительству отец будущего президента США, тогдашний американский посол в Лондоне Джозеф Кеннеди. Информацию он

См. «Огонек» № 29.

получил от британского министра иностранных дел Галифакса...

Разумеется, Сталин не сомневался в намерении гитлеровской Германии напасть на Советский Союз. Но чтобы выиграть время для повышения обороноспособности, дать тогда еще не вполне подготовленному Советскому Союзу возможность отразить любое фашистское нападение, он шел на экономические уступки нацистской Германии. В этой взаимосвязи следует рассматривать и территориальные изменения на западной границе СССР. Сталин явно еще питал надежду удержать агрессора. Он хотел показать Гитлеру, что нападение на СССР может стать для Германии самоубийственным, и тем, насколько возможно, заставить его отказаться от своих планов.

Сегодня из документов Нюрнбергского процесса и других ставших доступными источников мы знаем, что Гитлер заключил на 10 лет пакт о ненападении с Советским Союзом в расчете на то, что по обычаю германских империалистов это просто «клячок бумаги», который он сочтет возможным порвать, когда захочет. 11 августа 1939 года, то есть незадолго до заключения с Советским Союзом пакта о ненападении, Гитлер так изложил свои планы тогдашнему комиссару Лиги наций по Данцигу Карлу Буркхардту: «Все, что я предпринимаю, направлено против России, и, если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я буду вынужден договориться с русскими, разгромить Запад и тогда, после его поражения, всеми моими сконцентрированными силами повернуть против Советского Союза».

Два месяца спустя после торжественного подписания пакта о ненападении (это видно из записи в дневнике начальника германского генерального штаба генерала Франца Гальдера от 18 октября 1939 г.) Гитлер отдал директиву считать «на будущее занятую польскую территорию районом стратегического развертывания войск» и, разумеется, соответствующим образом подготовить его. 23 ноября 1939 года Гитлер подробно разъяснил своим генералам задачи предстоящего похода против Запада и обосновал, почему военный разгром западных держав должен предшествовать войне против Советского Союза: «Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе».

Как подтверждает в своем дневнике началь-

ник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта генерал Альфред Йодль (приговоренный в Нюрнберге как военный преступник к смерти через повешение), Гитлер еще во время кампании на Западе поставил его в известность о своем «основополагающем» решении весной 1941 года напасть на Советский Союз. 21 июля 1940 года главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич получил официальную директиву «заняться русской проблемой» и «обдумать необходимые приготовления». 29 июля 1940 года Гитлер на совещании в верховном главнокомандовании вермахта заявил: он намерен нанести удар по Советскому Союзу весной 1941 года. При этом он дал понять во изменение своих указаний от 23 ноября 1939 года, что нападение на Советский Союз может произойти еще до окончательного разгрома Великобритании.

31 июля 1940 года Гитлер провел на своей вилле «Бергдорф» в Берхтесгадене совещание с высшими генералами вермахта и сообщил им свое решение отложить вторжение на Британские острова. Он мотивировал это тем, что Англия возлагает все свои надежды на Россию и Америку. Исчезнет надежда на Россию — исчезнет и надежда на Америку, ибо с устранением России в огромной мере возрастет роль Японии в Восточной Азии. Если сначала будет разбита Россия, рухнет и последняя надежда Англии. Генерал Гальдер воспроизводит в своем дневнике это решение Гитлера: «В ходе столкновения с Россией должно быть покончено. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше».

Гитлер назвал в Бергдорфе и конкретную дату: май 1941 года. Он объяснил: операция имеет смысл только в том случае, если Советский Союз будет разгромлен одним махом. Определенного выигрыша территории самого по себе недостаточно. Бездействие зимой (1940/41 г.) внушает опасение. Он охотнее всего ударил бы еще в 1940 году и сожалел, что этого не произошло. Для проведения операции требуется пять месяцев. Цель ее: уничтожение жизненных сил России. 12 ноября 1940 года, в явной связи с начавшимися в тот день в Берлине переговорами с Молотовым, Гитлер, как уже упоминалось, дал свою директиву № 18. В ней говорилось о необходимости независимо от исхода этих переговоров продолжать начатые приготовления к войне против Востока. 5 декабря 1940 года Гит-

лер после четырехчасового совещания с главнокомандующим сухопутными войсками генерал-фельдмаршалом Вальтером фон Браухичем, а также с генералом Гальдером утвердил проект оперативного плана крупного наступления на Советский Союз. И наконец, 18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву № 21, которой он дал окончательное название «план Барбаросса». Эта директива начиналась следующими словами:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии (вариант «Барбаросса»).

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей...

Приготовления... следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.1941 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны».

Однако нацистско-германские империалисты в своей (впрочем, традиционной) мании величия позабыли сделать одно: положить в основу «плана Барбаросса» реальное соотношение сил на международной арене. И это с исторической логичностью привело к безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, к бесславному концу «тысячелетнего рейха».

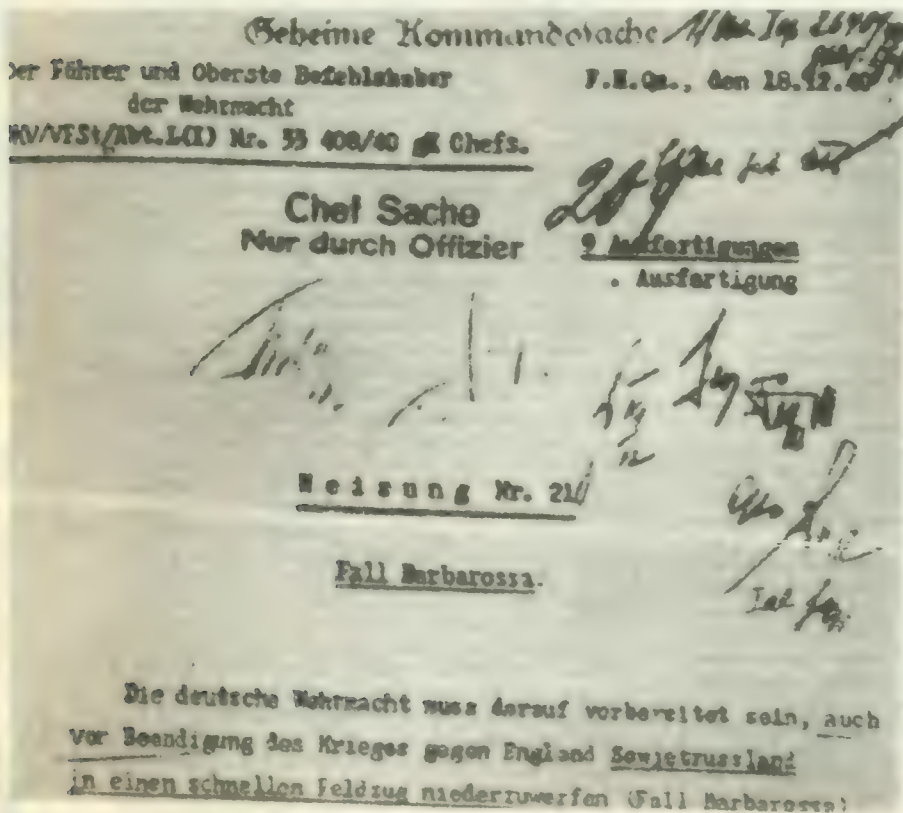
НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ

Спустя несколько недель после визита советской правительственной делегации во главе с Молотовым в Берлин почти каждый приезжавший в Москву из Германии привозил с собой новые тревожные вести. С января 1941 года в нацистском посольстве в Москве оживленные споры шли отнюдь не из-за того, будет или не будет нападение на Советский Союз. Главной темой этих споров было: когда оно произойдет?

Немалое число нацистско-немецких дипломатов в Москве имело родственников или хороших знакомых на ответственных постах в армии, люфтваффе и военно-морском флоте, а также среди министерской бюрократии. Такие же связи имели и руководящие представители крупных немецких фирм, у которых были всякие дела в Москве. Вест о том, что

Директива Гитлера № 21 от 18 декабря 1940 года — план «Барбаросса».

Герхард Керель (справа) во время торговых переговоров зимой 1940 года в Москве.

Гитлер в декабре 1940 года дал директиву о конкретных и гигантских по своему масштабу приготовлениях к нападению, несмотря на крайнюю степень секретности, быстро распространилась в этих кругах. При этом реальные факты зачастую было трудно отделить от фантастических слухов. К тому же, как мы знаем из нюрнбергских документов, полным ходом шла предпринятая гитлеровским правительством крупная акция по систематическому распространению маскирующих слухов и дезинформации.

Естественно, я тщательно регистрировал все поступающие из Берлина сведения, мнения, указания, а также и слухи. Они были отрывочны, иногда малоконкретны и, взятые сами по себе, часто касались лишь деталей из различных областей административного управления, внешней политики, экономики, военной промышленности. Многие из них были подтверждены историей, но имелось много недостоверных слухов. Я отбрасывал явные плоды фантазии или обманные маневры, и тогда все эти сведения можно было привести к общему знаменателю: нападение на Советский Союз все ближе и ближе. Тот факт, что при тогдашнем уровне военной техники нападение на Советский Союз не может быть предпринято раньше, чем сойдет снег и высохнет земля, считалось как специалистами, так и профанами в военном деле азбучной истиной...

Весной 1941 года я уже не сомневался, что Гитлер сознательно ведет дело к войне с Советским Союзом. Я узнал о такой подготовке военного нападения, которая превосходила все, что нацистская Германия делала до сих пор во второй мировой войне. Естественно, через Павла Ивановича я передавал все это Центру...

Однажды генерал Кёстринг захотел узнать мое мнение о том, какую позицию должна будет занять германская администрация в захваченных областях СССР. Как быть с колхозами? Следует ли их распускать или сохранить как крупные хозяйства? Я сказал ему, что обдумав этот интересный вопрос, но прежде хочу знать, чего мы стремимся достигнуть своей политикой в отношении колхозов. Обеспечение производства продовольствия потребует сохранения колхозов. «Я», — ответил Кёстринг, — полностью согласен с вами. Я противник коллективизации сельского хозяйства. Но если мы распустим колхозы и снова сделаем из колхозников единоличников, это создаст хаос».

В разговорах со мной Кёстринг и Хильгер исходили из того, что военное нападение нацистской Германии с целью захвата и аннексии огромных территорий Советского Союза произойдет. При этом оба они, собственно говоря, были против войны, в подготовке которой активно участвовали; как хорошие знатоки СССР они более или менее реалистически оценивали соотношение сил нацистской Германии и Советского Союза.

Однажды один из сотрудников посольства спросил меня, не знаю ли я, что это за довольно-таки странный представитель германской химической промышленности — некий господин Шелленберг. Ему, сотруднику посольства, выпала неблагодарная задача показывать Шелленбергу достопримечательности Москвы. Каждый вечер сей господин здорово напиивается, а потом несет всякую безответственную чушь. Советской химической промышленности он, похоже, вовсе не интересуется, но тем не менее в ближайшие дни посетит химический завод на Нижней Волге или Южном Урале.

Я уже кое-что слышал об этом странном представителе химической промышленности и его пребывании в Москве, но сам с ним знаком еще не был. Насторожившись, я спросил: а что же именно, напившись водки, болтает Шелленберг? И тут выяснилось, что Шелленберг, предварительного взяв со своих немецких собеседников слово хранить все в тайне, говорил им: Советский Союз скоро перестанет существовать, война между Германией и Россией неизбежна; СССР — это «колосс на глиняных ногах», одного мощного удара германского вермахта хватит, чтобы свергнуть «большевистское господство». Надо, мол, только пустить в ход против русских пулеметы, орудия да никого не жалеть. Тогда вся страна в мгновение ока будет охвачена огнем.

Мне было трудно расценить эти высказывания Шелленберга иначе как глупую болтовню высокомерного нацистского «стратега из пивной». Ведь у него в Москве явно совсем иные задачи, чем переговоры о поставках оборудования для советских химических заводов. Чтобы докопаться до сути дела, я рассказал Хильгеру о разговорах минимого представителя химической промышленности в ресторанах отелей «Националь» и «Метрополь» и спросил его, что это за птица. Хильгера поведение Шелленберга в Москве, казалось, обеспокоило.

Тогда я еще, конечно, не знал, что этот Шелленберг — тот самый военный преступник Вальтер Шелленберг, который вскоре стал заместителем, а потом и начальником зарубежной секретной службы в эзсовском главном управлении имперской безопасности (РСХА). Шелленберг был доверенным человеком Гиммлера и принимал участие в самых крупных преступлениях нацистского рейха в качестве начальника VI управления РСХА — ведомства шпионажа и диверсий.

Одним из конкурентов Шелленберга был поначалу адмирал Канарис, начальник нацистской военной секретной службы (абвера). Но после того как Гиммлер отстранил Канариса и подчинил абвер себе, Шелленберг стал полноправным хозяином в области шпионажа и диверсий.

Без Шелленберга не обходилось ни одно нападение гитлеровской Германии на своих соседей. Обычно он на свой лад готовился к оккупации других государств, обеспечивая немедленный арест и «изоляцию» тех, кто уже был известен как противник фашистского германского империализма. Их по большей части сразу же «ликвидировали», то есть убивали. Кровавые следы Шелленберга видны и в акциях по уничтожению всех противников нацистского режима — от борцов Сопротивления из «Красной капеллы» до оппозиционных генералов и буржуа из «Крайсауского кружка» и других немецких патриотов. Специальностью Шелленберга было еще до запланированного нападения гитлеровской Германии на соседнюю страну заранее «выявлять», где, в каких сейфах и хранилищах находятся интересующие нацистов секретные документы и прочие не подлежащие оглашению материалы, а также кадровые «личные дела». По возможности составлялись списки лиц, имеющих дело с этими секретными документами и делами. Как только столица завоеванного государства оказывалась в немецких руках, люди Шелленберга врываются в хранилища и забирали все, что их там интересовало.

Теперь я не сомневаюсь (а тогда мог только догадываться), что в малоубедительном обличье представителя германской химической промышленности Шелленберг приехал в Москву незадолго перед нападением на Советский Союз именно для того, чтобы собрать дополнительные данные и, так сказать, на месте задуманного преступления лично познакомиться с обстановкой, включая уровень и состояние транспортных коммуникаций Москвы с Уралом и Сибирью.

Моя точка зрения была подтверждена опубликованными впоследствии на Западе мемуарами самого Шелленберга, в которых он писал: «Во время совместных верховных прогулок по утрам мы с Канарисом вновь и вновь заговаривали о предстоящей войне с Россией... Обмениваясь нашей информацией, мы спорили прежде всего насчет производственной и транспортной мощи России. На основании соответствующих материалов я считал, что объем производства танков русской тяжелой промышленностью гораздо больше предполагаемого Канарисом; русские выступят с поразительными конструкторскими новинками... Канарис же, ссылаясь на то, что располагает на сей счет безупречными материалами, утверждал, будто индустриальный центр вокруг Москвы связан с богатыми сырьевыми месторождениями на Урале всего лишь одной узкоколейной железной дорогой. На основании имевшихся у нас агентурных донесений я придерживался иного мнения».

При таком нечетком представлении о Советском Союзе вполне понятно, что Шелленберг решил съездить в Москву. А может быть, он хотел подобрать себе и будущую резиденцию в Москве.

В конце войны Шелленберг предложил свои услуги английской и американской спецслужбам, но после того, как он передал в руки США секретные материалы, он все же был предан суду американского военного трибунала в Нюрнберге. Наказание в виде шести лет тюрьмы можно считать пустячным в сравнении со множеством совершенных им тягчайших преступлений...

В феврале 1941 года неожиданно произошло приятное для меня событие. «Канцлер» Ламла сообщил мне, что я могу въехать в трехкомнатную квартиру на Фрунзенской набережной. Итак, теперь у меня была собственная квартира. Чтобы получить ее, я пустил в ход все рычаги. Ведь длительное пребывание в отеле «Националь», где я проживал с октября 1939 года, было для меня довольно неудобным...

Большинство германских дипломатов за время моего пребывания в Москве приобрели по дешевой цене дорогие предметы искусства, ковры, золотые украшения, драгоценные камни, более или менее подлинные иконы и прочие вещи, на которые существовал запрет вывоза из Советского Союза. Все эти предметы объявлялись в таможенных декларациях дипломатическим багажом или курьерской почтой. «Канцлер» Ламла, которому приходилось организовывать техническую часть транспортировки за границу, просто стонал от необходимости изготавливать множество удостоверений для курьеров — простых и особых, а также прочих «беженцев из Москвы». Он жаловался мне, что пломбированные курьерские мешки с якобы служебной почтой набиты под завязку ценными предметами самого различного рода. Их «спасают» супруги дипломатов и другие «специальные курьеры», освобожденные от таможенного досмотра соответствующими удостоверениями.

Генерал Кёстринг, который после нескольких месяцев отсутствия вернулся в Москву за несколько недель до начала военного нападения, так описывал своему берлинскому начальнику сложившуюся в посольстве ситуацию 14 мая 1941 года:

«Это — те же самые явления, которые я наблюдал во время чешского кризиса (1938 г.) и которые я охарактеризовал послу как недостойные. Поскольку происшедшие события наверняка имели последствия с точки зрения распространения здесь слухов, я должен принять для их пресечения меры служебного характера... Одна из этих мер касается того, что я мог бы назвать бегством ценностей. Насколько я смог установить, за последнее время отправкой в Германию «спасено» бесчисленное множество чемоданов с драгоценными украшениями, серебром, такими ценными предметами, как меха, ковры и прочее барахло. Это факт. Что можно поделать с этим постфактум, если это происходит снизу доверху! Последствия таковы, что эти действия, поскольку их можно скрыть в лучшем случае от посыльных, но отнюдь не от наблюдающих за всем этим русских органов, дают пищу для самых диких слухов. Это недостойно!.. Другие последствия такого поведения я хотел бы назвать еще более тяжкими. Снова, как и тогда, во время чешского кризиса, занимаются этим только те, кто имеет дипломатический паспорт, тем самым покрывая это свинство, — служащие самого высокого ранга. И еще кое-что: жены дипломатов нашего посольства почти поголовно удрали. Может быть, у кого-то и есть необходимая причина для отъезда, но у большинства наверняка нет. Можно представить себе чувства остальных сотрудников и наших машинисток, когда они видят, что другие женщины сбегают с дипломатическим паспортом... Привезают сюда, попадают до отъезда масло и черную икру, обвешиваются с ног до головы шубами и побрякушками за дешевые рубли, а затем смыкаются или же стараются уберечь своих наглых муженьков к ущербу для великого дела, во вред нашей сплоченности... Грешен, но мне так и хочется пожелать успеха англичанам: пусть их бомбы угодят в те дома, где находится в Германии это недостойным образом «спасенное» добро».

Перевод Г. РУДОГО

Продолжение следует.

Запечатленное в камне

УТРЕННИЕ КАРТИНКИ

Зорька засияет скоро,
и внезапно во весь дух
с деревенского забора
громко прокричал петух.
Щебетанье, воркованье
шумных птиц среди ветвей,
песнь, как дивное признание,
изливает соловей.
Квохчет курица степенно,
псы залаяли кругом,
распушив хвосты, надменно
индюки бредут двором.
Крылья мельницы запели
за деревней у ракушек...
Лишь ребенка в колыбели
Крепкий сон еще хранит.
Вспыхнет ржанье жеребенка
и стихает через миг,—
он уже не скачет звонко,
жадно к вымени приник.
Телка бегает, играя,
по двору вперед-назад,
и, весь гам перекрывая,
голоса людей звучат.
Утра новые картины
возникают предо мной.
День явился ясный, длинный —
созиданья день земной.

ПСЫРДЗХА

В белых бурунах горные складки,
талые воды бегут с вышины,—
и родился у поэта в тетрадке
гимн в честь прихода абхазской
весны.
Псырдзха так нынче красива —
взгляните!
Так привлекательна и нежна!
И вереница великих событий
в камне, как в книге, запечатлена.
Песня печальная с бурею
скрылась,
боль и невзгода рассыпались
в прах,
ласточкиным гнездом приютилась
Псырдзха в величественных горах.
Иверская гора над тобою
строга, как в бурке абхазский
зять...
Берег обласкан теплой волною —
солнца Абхазии не занимать.
Ты и отвесна, ты и пологая,
ты и могуча, ты и тонка,
в бездну готова сорваться дорога
или взметнуться под облака.
Псырдзха, ты радуешь добрые
взгляды,
берег и горы дивом полны,
верю, что эти гранитные гряды
чистыми чувствами скреплены.
Недра пещеры — дворец
необычный,
стены пещеры, как зеркала,
скрыты в ней тайны эпохи
античной,
тысячная толпа в ней прошла.
Там неумолчная песня абхаза
льется под звуки апхиарца*,
взвесься, мой стих, чтобы
не расставаться
с этой песней уже до конца!

* Апхиарца — музыкальный инструмент.

Этот мир не только мой,
этот мир людской, огромный,
мне же на стезе земной
только путь отмерен скромный.
Я родился.
Из ружья
выстрелил отец удаю.
Путь, который выбрал я,
щедро солнце озаряло.
Честно жизни я служу
и не день, а годы кряду,
только жизнью дорожу,
принимаю как награду.
Жизни лакомый кусок
не держал я на примете,
а пытался я, как мог,
перед жизнью быть в ответе.
Я родился, я умру,
но стараюсь ежечасно
жить достойно на миру
не напрасно, не напрасно...

СКРЫТЫЙ ДРУГ

Не жалел я для друга ни сил, ни
трудоу,
был я другом всегда в пору бури
и гроз,
я за друга погибнуть в бою был
готов,
а его бы я гибели не перенес!
Что за друг ты, когда,
схоронившись хитро,
ты не станешь для друга опорой
земной?
Жизнь приносит печали, приносит
добро,
чтобы люди делили их между
собой.
Жизнь не раз меня брала
в жестокий полон,
и в такие часы тяжело было мне,
а иные следили — вот сорвется
и он...
Друг мой, горький мой друг,
ты стоял в стороне.
И когда я страдал от наветов
пустых,
друг мой словно ослеп в этот
тягостный час,
и однажды увидел его я меж них,
он с врагами моими общался,
смеялся.
И увидел его я в обличье другом,
были попорчены дружбы высокой
слова,
он, набычась, пошел на меня
прямоком,
как палач с топором, закатав
рукава.
Он нежданно возник у меня на
пути,
словно волк, возглавляющий
стаю волчат,
все забыв, что успели мы с ним
обрести,
понимая, что нету возврата назад.
Что я сделал плохого ему —
не пойму!
Иль унижил его сотворенным
добром?

Или дружба была не по нраву ему?
Не пойму, отчего предстает
он врагом?
Он когда-то был слаб, он когда-то
был мал,
без поддержки моей дня не смог
бы прожить.
И мой добрый поступок его
оскорблял,
видно, этого он не способен
простить.
Как мне быть с ним?
Какой назревает ответ?
Я лишь сам рассужу — не судьба,
не года.
Никогда не забрезжит нашей
юности свет,
Ничего не исправить, ничего,
никогда!

Даже горный прозрачный родник
помутнеет от ливневой влаги,
даже день изменяет свой лик,
если тучи нагрянут в отваге.
Лес меняет убранство ветвей,
он под осень в лучах позолоты,
и природа впадает с тех дней
в состояние беспечной дремоты.
Но природа, весной прозревая,
несравнима с порою вчерашней,
солнце свой лучезарный посев
начинает на вспаханной пашне.
И тогда молодой соловей
в первой страсти, высокой
и цельной,
осеняет край гор и полей
нежной песнею колыбельной.
Но, бывает, природа на дню
изменяется постепенно...
Нет, с природой тебя не сравню,
для меня ты всегда неизменна!
Для меня ты на свете одна,
в этом мире тревожно живущем,
лишь тобой моя доля полна
и в сегодняшнем дне и в
грядущем.

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Все жизнь моя в себя вобрала,
мне выпало страдать, любить,
нет в жизни выше идеала,
чем честным человеком быть.
И это кредо выше кручи,
свободней, чем орла полет,
померкнет солнце в миг горячий,
когда достойный сын умрет.
Я ничему не верю, кроме
души, открытой до глубин,
и счастье пребывает в доме,
когда в нем есть достойный сын.
Жизнь быстротечна — каждый
знает,
но в жизни честь всему венец,
а кто об этом забывает,
тот жалкий обретет конец.
Я человек — и дай бог душу
достойную в себе иметь,
а если честь свою порушу —
грянь, гром, и принеси мне
смерть!

ОПЯТЬ ПО ТРОПИНКЕ...

Я проснулся утром рано
и отправился тропой,
что петляла от кургана
до вершины снеговой.
Тропка поросла травой,
мой земляк, абхазский друг,
вечно связывал тропой
горы и низинный луг.
Мой земляк орла бесстрашной,
полон красоты и сил,
закалялся он на пашне,
на вершину восходил.
Через горные отроги
эти тропы вдаль ушли,
сшив между собой дороги
нашей матушки-земли.
Давний труд первопроходца,
труд абхаза-чабана
верной славой отзовется
и в иные времена.
Ввысь ведет тропа крутая,
я карабкаюсь по ней,
гордо чувствую себя я
сыном гор в стране камней.
Я в порыве неустанным
поднимаюсь к облакам
по следам родным чеканным,
предков пламенным следам.
Мыслью в космос проникаю,
но спеша под облака,
так надежно постигаю,
что внизу Земля крепка.
Луг пересекаю росной,
чувствую с землею связь,
но и луг высокий, звездный
дорог мне в полночный час.
Я своей земли поклонник,
без тропы мне жить нельзя...
...Шепчет мне пророк-приемник,
сбоку на плече висая.

ГДЕ ГОРИТ ЕЕ ЖИЗНИ СВЕТ

На сцене каждый раз иная,
разнообразная она,
но в доме для меня — родная,
в неповторимости одна.
Могу лишь дома убедиться,
что дом для мной — жизнь
и свет.
Она в театре — то девица,
то женщина преклонных лет.
Вот стрелы гнева непритворно
несутся из ее очей,
порой мягка она, покорна,
и людям просто любо с ней.
Порой она так домовита,
все под рукой ее горит,
и словно нежностью повита,
и словно в ней огонь сокрыт.
Высокий час преображенья,
высокий мир страстей и мук,
ее ритмичные движения
в себя вобрал сценичный круг.
Я не сужу родную строго,
и истина мне не видна,
но знаю, что ее дорога
в наш общий дом устремлена.
И оставляя за собою
любовь и радости, и бед,
она спешит домой
с душою,
где жизни негасимый свет!

Перевел с абхазского
Олег ШЕСТИНСКИЙ.

Ровно 20 лет назад газеты сообщили, что в Дубне, в Лаборатории ядерных реакций, сделано крупное открытие: получен 104-й элемент, курчатовий, заполнена еще одна пустующая клеточка в периодической таблице Менделеева.

Мне посчастливилось быть в тот летний день в Дубне. В Лаборатории ядерных реакций шла обычная трудовая жизнь. Правда, чаще, чем всегда, звонил телефон: то одного, то другого из восьми авторов открытия поздравляли коллеги.

Георгий Николаевич Флеров, тогда член-корреспондент АН СССР, руководитель работы, показал мне вещественный след открытия: под микроскопом на стеклышке можно было увидеть черные точки в свеченом нитре. Ядра нового элемента прожили отпущенные им ничтожные доли секунды и распались...

Георгий Николаевич Флеров руководит этой лабораторией и теперь. И вот новая встреча — двадцать лет спустя.

Фото Ю. Туманова

Академик Г. Н. ФЛЕРОВ,
Герой Социалистического Труда,
отвечает на вопросы корреспондента «Огонька»
Ванды БЕЛЕЦКОЙ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

— Георгий Николаевич, можно первый вопрос не «про науку». Свой трудовой стаж вы начали с работы грузчиком, а затем смазчиком в паровозном депо Ростов-на-Дону. Сейчас вы всемирно известный ученый, лауреат Ленинской и Государственных премий, автор многих открытий, ваше имя вошло в учебники. Скажите, а пригодилась вам в научных исследованиях, в жизни та рабочая закладка, что вы получили в паровозном депо, а потом на заводе?

— Я бы сказал так: она навсегда определила мое отношение к людям, к работе и жизни, определила мой характер. А отсюда — и работу. Так, наверное, бывает всегда. Правда, у людей моего поколения биография была особая. Ведь я пошел в первый класс школы в девятнадцатом году, в гражданскую. Помню, в руке — тетрадка и учебник, а под мышкой — полено. Ведь школы не отапливались. Где хочешь, но достань полено, хоть укради. Утром

у классной доски складывалась маленькая поленица, дневной запас тепла. Историю мы учили просто: жизнь — борьба классов. Знали это как свои пять пальцев. В стране шла гражданская.

В школе мне повезло: физику преподавал у нас хороший человек и прекрасный педагог Владимир Иванович Воинов, в прошлом профессор Петербургского университета. Он занимался только родившейся тогда радиоактивностью, находился под очарованием этой науки и свое отношение передал ученикам.

А после школы я работал смазчиком в паровозном депо. И чернорабочим был и электриком.

— Вы уже тогда хотели стать физиком?

— Даже не мечтал! Хотел стать геологом, посмотрелся романтических кинокартин. Труд физика

тогда еще не был овеян романтикой, это пришло потом, в шестидесятые годы.

В 1931 году я уехал в Ленинград. Поступил на знаменитый «Красный путилевец». Завод перестраивался. Станки и машины приходили на смену ручного труда. Тогда мы не придавали значения такому нюансу: автоматы как бы уравнивали рабочих в квалификации. Помню, как сам я выискивал в стенгазете старых мастеров, что «колдуют» над варкой стали и чуть ли не шепчут заклинания. Честным был, горячим, но глупым. Думал, что автомат умнее мастера. Молодым был, необразованным. Не знал цены мастерству труда, таинству творчества, а рабочий человек знает цену и тому и другому. Вон в Дубне каких только приборов не придумали умные головы и руки мастеров!

С «Красного путилевца» послали меня учиться дальше, без отрыва от производства. На улице Стачек помещались курсы подготовки в институт. Преподавали студенты, увлеченные своей наукой.

Я тоже начал экспериментировать. Однажды мне для опыта в кузнечном цехе понадобилось изменить напряжение. Последовала страшная вспышка. Острая боль ударила в глаза. За стеной остановились и пронзительно завывали моторы... Не поверите, до сих пор мне снится по ночам та авария на заводе, тот жутковатый вой моторов. К счастью, никто, кроме меня, не пострадал...

Промыл воспаленные глаза чаем, отвели меня в больницу. Долго лечил глаза, до сих пор тот ожог сказывается... Но на теплофизику в Ленинградский политехнический все-таки поступил. А вскоре перешел на отделение теоретической физики.

— Ваши друзья рассказывали мне, что ваша курсовая показалась профессору Френнелю абсолютно фантастической. «У вас чересчур большая фантазия для теоретика», — сказал профессор. — Вам надо переходить к Курчатову... Вы сразу послушались профессора?

— Конечно, нет! Кто в молодости сразу слушается своих профессоров? Да и занимался я тогда не ядерной физикой, а полупроводниками. Я пошел к Абраму Федоровичу Иоффе. Теплофизика, техника высоких напряжений и, наконец, ядерная физика — так развивались мои научные интересы.

...И все-таки профессор Френнелю оказался прав. Георгию Флерову надо было идти к Курчатову, у них обоих была чересчур большая фантазия, та фантазия, которая ведет к открытиям нового.

Уже под руководством И. В. Курчатова молодой Флеров пишет дипломную работу «Исследование взаимодействия нейтронов различной энергии с ядрами». Работу эту с полным правом можно назвать самостоятельным научным исследованием. Например, чтобы получить нейтроны нужной энергии, их надо было замедлить. Дипломник нашел любопытный способ такого замедления: нейтроны пропускались через нагретое масло.

Для дипломной Флеров сделал счетчик из лития. Потом возникла новая идея: стали мечть литий. Все было хорошо, кроме соблюдения техники безопасности: приходилось дышать литием, вредными испарениями. Курчатов увидел сту-

дентов за этим занятием, мягко сделал замечание.

С 1937 года работает Флеров в лаборатории И. В. Курчатова. В то время физиков всего мира волновал вопрос принципиальной возможности создания цепной ядерной реакции. Все чаще ученые вспоминали слова Д. И. Менделеева: «Убежденный в том, что исследование урана, начиная с его природных источников, приведет еще ко многим новым открытиям, я смело рекомендую тем, кто ищет предметов для новых исследований, особенно тщательно заниматься урановыми соединениями».

— Георгий Николаевич, трансурановыми элементами, элементами, стоящими в таблице Менделеева после урана, вы занимаетесь уже давно. Расскажите, пожалуйста, о вашем первом открытии — спонтанном делении урана, этапом в мировой физике?

— В 1938 году мы с Л. И. Русиновым задумали эксперимент, надеясь получить цепной процесс деления ядер урана. Но где взять такое количество урана? Лаборатории тогда снабжались не как теперь. В магазинах Ленинграда мы скупили весь наличный запас азотнокислого уранила, оставив фотолюбителей ни с чем. Может, отечественная фотография и пострадает, думали мы, но отечественная наука должна выиграть. Эксперимент дал важные результаты по определению ключевых параметров цепной реакции.

Продолжали работу мы с Петром Константином Антоновичем. Теперь даже вспомнить смешно, как ученые работали. Окислы урана готовили сами. Для регистрации осколков при измерении порога деления урана применяли еще раньше сделанную ионизационную камеру высокой чувствительности. В то время она была самым чувствительным прибором для регистрации осколков деления. И источники излучения у нас были мощные. Осциллограф, правда, очень плохой. Но что не улавливает техника — улавливает глаз.

Однако наши результаты могла дать и остаточная радиоактивность, мы работали в помещении Радиевого института. Забрали мы свою камеру, которая «чувствовала все на свете», другие приборы и поехали в Физико-технический институт, где уже остаточной радиоактивности быть не могло. Результаты повторились. Тогда возникла идея, что чувствительная камера регистрирует космические лучи. Чтобы проверить это, решили поставить приборы на подводной лодке в Балтике, куда лучи не доходят. Но подводной лодки нам не дали. И мы с Петром повезли приборы в Москву, в метро. Выбрали станцию поглубже — «Динамо». Поставили свои приборы. И наконец убедительно было показано, что открыт новый вид ядерного превращения — спонтанное деление ядер урана.

Молодые советские исследователи Георгий Николаевич Флеров и Константин Антонович Петряк сделали тогда фундаментальное открытие в физике. Оно вошло во все учебники, стало исходной точкой для, по существу, нового раздела ядерной физики. Шел 1940 год.

— Ну, а во время войны занимались тем, для чего спонтанное деление было решающим, — лаконично говорит Георгий Николаевич.

вич.— А потом, в 50-е годы, вернулись к нему уже на новой основе.

В 1955 году в Институте атомной энергии в Москве при горячей поддержке академика И. В. Курчатова создается группа, которая стала готовиться к получению ускоренных пучков тяжелых ионов. Группу возглавляет Г. Н. Флеров. А вскоре принимается решение о строительстве большого циклотрона. Новый прибор решили строить в Дубне и сделать достоянием ученых социалистических стран.

— Какие элементы получены в лаборатории после 104-го, названного вами курчатовием?

— 105-й, 106-й, 107-й. Ведутся опыты по синтезу и более тяжелых элементов. Тяжелые ионы являются инструментом, позволяющим физикам еще глубже проникнуть в тайны строения атомных ядер, и, кроме того, расширяют экспериментальные возможности по синтезу трансурановых элементов.

Эксперимент по получению 104-го был очень сложен. Достаточно сказать, что один атом 104-го рождался через 5—6 часов облучения и жил уже не 8 секунд, как его старший брат — 103-й, а в сто раз меньше. Казалось, что он умрет раньше, чем его смогут обнаружить...

Работу удалось осуществить благодаря тому, что группа чехословацких и советских химиков во главе с чехословацким профессором Иво Зварой разработала совершенно новую методику быстрого химического анализа этих короткоживущих трансурановых элементов.

И уже стоит задача поиска в природе и синтеза на ускорителях ионов элементов с атомными номерами где-то со 114-го до 126-го, так называемых сверхэлементов. Интересно, что после элементов со столь ничтожным временем жизни появляются элементы, которые живут дольше, чем наша Земля.

— Что практически дают исследования трансурановых элементов, их изотопного состава?

— Понимание тайн материи, познание процесса образования элементов на разных этапах развития Галактики. Ведь изотопный состав — самое старое археологическое свидетельство о рождении Земли.

Ученые ищут долгоживущие сверхядра в земле, в воде, в космических лучах, в упавших на Землю метеоритах. Возраст их может быть миллионы и даже сотни миллионов лет. Это, так сказать, для науки. Однако пучок тяжелых ионов, кроме своего прямого дела — синтеза новых элементов, — может принести немало пользы и практике.

Прежде всего это очень мощный рычаг воздействия на вещество. Лазерный луч, например, действует на вещество в основном только путем нагрева. Ионный луч оказывает не только термическое, но и радиационное воздействие. Попав в вещество, тяжелые ионы тормозятся, теряют энергию, и она выделяется в виде тепла. К тому же, проникая в кристаллическую решетку вещества, они изменяют его химический состав.

— А что это значит конкретно?

— Точно сфокусированным, очень тонким ионным лучом мож-

но вырезать микросхемы для различных электронных устройств. Можно заставить соединиться вещества, никак другим способом не соединимые. Например, получить сплав железа и свинца, что вследствие их «физической несовместимости» считалось невозможным. Что же касается самих сверхэлементов, которые исследуют в лаборатории, то они могут оказаться в будущем мощнейшим источником энергии. Может быть, более мощным, чем современное «ядерное горючее» — уран и плутоний.

— На одном из заседаний Президиума АН СССР президент академии Анатолий Петрович Александров сказал примерно так: «Мир знает фильтры академика Петрянова-Соколова. Эти фильтры спасли многие тысячи жизни рабочих на вредных производствах, позволили безопасно трудиться в шахтах горнякам, шахтерам. Человечество благодарно ему. А теперь появились новые фильтры, необходимые современному производству. Их назовут фильтрами «академика Флерова».

Что же это за фильтры?

— Тяжелый ион обладает способностью, словно микроигла, прокалывать стеклянные, пластиковые и другие пленки. После соответствующей обработки образуются мельчайшие отверстия, как бы точно калиброванное ядерное сито. Отверстия различные, от одного миллиметра до сотых долей микрона, меньше, чем десятая часть тончайшей иглы. Вот из таких пленок и можно делать разные фильтры.

— Где найдут они применение?

— Прежде всего для создания более совершенных, чем теперь, респираторов, для защиты органов дыхания персонала на многих производствах: от угольной пыли в шахтах, например, в цементной промышленности, при работе с ядохимикатами в сельском хозяйстве, везде, где стоит задача защиты дыхания от аэрозолей.

Эти фильтры пригодятся в установках, получающих особо чистую воду для медицинских нужд; в современной электронной промышленности, где мельчайшая пылинки может привести к браку продукции; в экологических исследованиях для анализа загрязнений окружающей среды.

Столь тонкое ядерное сито поддерживает не только микробы, но даже вирусы. Оно отличный стерилизатор. Оно незаменимо при производстве антибиотиков, различных вакцин, в микробиологической и пищевой промышленности. При помощи таких фильтров можно будет опреснять воду, очищать воздух, вести исследования. Уже сегодня продукция лаборатории передана 96 смежным организациям. Но медленно, медленно идет дело с внедрением. Обидно медленно.

...Я видела, как академик Флеров собирается на лекцию для руководителей предприятий, инженеров, шахтеров. Он старательно складывает в портфель образцы новых респираторов, несколько бобинок ядерного сита разной калибровки, ножницы, чтобы резать пленки. После лекции он будет раздавать продукцию «лабораторной фабрики». Агитируя за ее внедрение не только словами, но и делом.

КИНО

Ж. Болотова, С. Мартинсон и Ф. Никитин в фильме «И жизнь, и слезы, и любовь».

ОБРАЩЕНИЕ К ЧУТКОСТИ

В полутьме кинозала видно было, как некоторые молодые зрители уже через несколько минут после начала фильма «И жизнь, и слезы, и любовь» разочарованно покидали зал, не слишком заботясь о сохранении тишины... Да и в самом деле: целых пять — семь минут на экране возникают лишь старческие лица. Обитатели дома для престарелых, ветераны труда излагают свое отношение к отдельным жизненным проблемам, высказывают обиды, успевают на кого-то или на что-то пожаловаться...

Режиссер Николай Губенко смело пошел на эту серию коротеньких интервью. Казалось бы, зачем?

Понимаешь это, посмотрев ленту до конца. Столь необычное и рискованное начало — не просто завет, заявка на тему, но предлагаемый режиссером тест или фильтр, отсеивающий горстку молодежи, не проявившей интереса к жизни тех, кто старше, опытнее, в нашей с вами помощи... Зато оставшиеся в кинозале юноши и девушки болели душой за судьбы тихих «чужаков», смеялись вместе с ними и грустили в ситуациях нелепых, подчас драматичных...

Я написал «смеялись», и это правда. Но фильм-то не смешной. Далеко не комедия! Нас и не пытались рассмешить. Просто мы сами искали повод и разрядку в любом комическом эпизоде, ибо грустные сцены преобладают. И тема разговора не веселая — закат человеческой жизни, необратимость законов великой Природы, которые могут обернуться к человеку, отдельно взятому, самой безжалостной стороной.

В основательно запущенный дом для ветеранов труда прибывает новый главврач, молодая Варвара Дмитриевна (ее играет Жанна Болотова). Она видит, что потолки текут, пищу готовят с нарушением технологии, не хватает элементарных удобств. Директор дома (П. Щербанов) груб и самовластен, обитателей называет не иначе как «контингент», далеко не все сестры соответствуют своей службе. «Щас, разбежалась, ноги-то не казенные!» — говорит одна в ответ на просьбу пожилой женщины подойти к ней...

Болотова блестяще демонстрирует два главных качества героини — терпение и доброту. Она даже вспылит по-настоящему, поженски, настырно, с криком не может. Единственное, что слышит от нее в ответ грубиян и циник директор: «Выйдите из моей комнаты». Таков предлагаемый характер. И это уже само по себе надежная терапия для обитателей дома, для многих уже разучившихся и в людях и прежде всего в собственных возможностях противоборствовать одряхлению... Смирившихся с неподвижностью, с всеильным склерозом главврача заново поднимает к жизни.

Правда, можно упрекнуть сценариста и режиссера в том несколько облегченном способе, каким главврач уходит от прямых столкновений, от ответов на прямо поставленные вопросы. Метод прост: она тут же задает встречный вопрос (директору, сестрам, ветеранам). И к первому вопросу больше никто не возвращается. Это уже терапия для зрителей. Он, зритель, принимает эту тактику главврача, но... Вот один, два, три таких ухода от ответа, еще один... Где же тогда стратегия главного врача, благодаря которой в доме все перевернулось, люди ожили, каждый оказался личностью неповторимой, интересной...

Зато очень тонко передает антриса гамму переживаний во время встреч с живущими в доме ветеранами. Запомнилась сцена на юбилейном вечере, когда главврач счастливой и понимающей глазами смотрит на возродившегося Павла Андреевича, перед которым в образе бывшей певицы Софии Сербиной (Е. Фадеева), виновницы торжества, предстает сама молодость с ее надеждами, юной влюбленностью, избытком сил и сумасбродных затей. Сюда же отнесем и диалоги с мастером Степановым (Е. Евстигнеев), с директором Федотом Федотовичем, который в финале признает заслуги главврача в происшедших добрых переменах и предлагает, наконец, мир и согласие...

Вершиной темы человеческого участия, звучащей в фильме, явились сцены, в которых сыглас народный артист СССР Иван Семенович Козловский, посетивший обитель ветеранов по случаю юбилея знакомой певицы. Эти несколько десятков кадров стоят многого. Они подкрепляют идею фильма и вместе с тем высоко характеризуют миссию артиста, проживающего несколько прекрасных, неповторимых минут вместе с героями ленты.

Особое место в ней занимает эпизодический персонаж — повариха Антонина в исполнении Наталии Гундаревой. Хозяйка пищеблока, озорная и бойкая на язык, нечистая на руку, никого и ничего не боящаяся... В недавнем телефильме «Директор детского дома» Гундарева отлично воспользовалась правом утвердиться в образе полноростной, духовно одаренной, хоть и неумелой в налаживании собственного быта. Здесь ситуация обратная. И в этой острохарактерной роли лхой бабы, думающей, Гундарева чувствует себя не менее уверенно. Она слилась с героиней, живет ею и в ней — во всем том, что предложил сценарий и подсказала художническая интуиция. Запоминается, в частности, как четко обыграла Н. Гундарева реплику по поводу совета главврача медсестре почитать Толстого «Смерть Ивана Ильича»:

Сестра: Да у меня таких Иванов Ильичей-то тьма!
Антонина: Да ты сама можешь такое написать! Правда, Том?

В этих словах и цинизм, и неприятие чужих страданий, свой «юмор» и отпор «вредной» главврачихе.

В фильме хорош ансамбль актеров, играющих роли престарелых ветеранов войны и труда. Все они живут на экране многоплановой, сложной жизнью. Среди них есть неунывающие весельчаны вроде «отпрыска князя Шаховского» (С. Мартинсон), излюбленный афоризм которого: «Лучшее средство от склероза — гильотина», и виновники кризисной обстановки в коллективе, и заслуживающие безмерного уважения бывшие фронтовики, ветераны гигантских строений... А все вместе они — во главе с режиссером фильма Н. Губенко — испытывают нас на способность сочувствовать, сострадать. Проявить элементарное понимание, увидев в пожилых людях, в старости, достойное завершение жизненного пути, а не набор болезней в придачу с плохим характером.

Остро необходимая, актуальная картина сделана на «Мосфильме» людьми с чутким сердцем и благородными мыслями.

Ю. НОВИКОВ

МОЛОДАЯ НИВА

Вадим КУРОПАТКИН

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬКА

Тогда, в 1954-м, юноши и девушки на годик-два постарше станичных ребят уезжали на освоение целинных земель в Казахстане. Школьники в Григоропольской сгорали от зависти. Пришкольный участок, казалось им, тесен и мал... Педагоги чутко уловили настроение учеников. Г. А. Ладыгин, директор школы, на сессии сельсовета доказывал депутатам, что школе нужны и большие поля, и техника, иначе дети не овладеют профессиями полевода и тракториста. Учитель Г. С. Данилов предложил создать бригаду учеников по образцу колхозных.

Итог коллективного поиска станичников (многие внесли свою лепту!) кратко выражен в бережно хранимом документе, открывающем ныне экспозицию здешнего музея ученической бригады:

«Протокол № 2 от 15 марта 1954 года совместного заседания парткома и правления колхоза «Россия», педагогического совета СШ № 2, совета МТС и исполкома сельсовета.

Слушали: выступление завуча Б. И. Смирнова о создании детского трудового коллектива.

Постановили: организовать в колхозе «Россия» комплексную производственную ученическую бригаду».

Ранней весной, 6 апреля, торжественная линейка на берегу Кубани. Первый бригадир Нина Самойлова вручила ста десяти старшеклассникам (по примеру первоцелинников) комсомольские путевки, а тогдашний председатель колхоза Н. Ф. Лысикин — трудовые книжки колхозников. Бригада сразу обрела права и обязанности равноправного со «взрослыми» трудового коллектива. Его надолго нарекли «девятой, ученической».

Теперь, глядя на «владения» ученической, трудно представить, что начинались они с 22 пустующих гектаров, которые сами же школьники распахивали, проводили здесь оросительные каналы.

ОПЫТНОЕ ПОЛЕ

Благоустройством полевых станков на Кубани никого не удивило, но ребята не зря назвали свой стан городком Степной — Юности: красна он и уютен.

И поскольку сотни ребят живут здесь все лето, они взяли на себя не только производственное управление, но и полностью себя обслуживают. По графику через звено бытового обслуживания «проходят» все без исключения.

Однако главное, конечно, для ребят — работа. Из шести гектаров, отведенных под стан ученической бригады, основную территорию занимает производственная зона — мощный механизированный том с асфальтированными площадками для хранения и подработки зерна, складскими помещениями, мастерские текущего ремонта, место стоянки тракторов и комбайнов, агрохимлаборатория с самым современным оборудованием.

А вокруг — поля, на 760 гектаров...

В 1954-м Данилов, выделив каждому из ста десяти членов ученической бригады делянку, заложил опыты по испытанию свыше тридцати сортов крупноплодных томатов и двадцати трех — напусты. Семена дала опытная станция Всесоюзного института растениеводства. За два года опытнико-школьники выявили самые перспективные для родных мест сорта, размножили семена и передали в производство колхозу «Россия» и соседним хозяйствам.

Но учитель после многотрудного

дня все чаще уходил в поля, где созревала пшеница. «Вот бы чем заняться,— думал он.— Хлеб— всему голова». Слово подслушал его мысли в Краснодаре Павел Пантелеймонович Лукьяненко. Всемирно известная ныне Безостая-1 еще и государственных испытаний тогда не прошла, названия не имела. Академик передал ребятам свой будущий сорт-рекордист для испытаний.

Уже через два-три года в колхозе «Россия» семенами, которые вырастили школьники, засеяли всю площадь озимых пшениц и получили невиданный до того урожай — сорок с лишним центнеров зерна с гектара!..

Отсюда, с участком размножения опытного поля ученической бригады, начинали свою дорогу на поля Ставрополя и ячмени В. М. Шевцова.

Сами ребята получили новые, высокоурожайные гибриды подсолнечника, которые названы «школьными». И все эти тридцать лет бригада — неперенный участник ВДНХ. Только медалями выставили награждено семь человек. А медаль Мичурина вручена всей ученической бригаде.

КАЖДЫЙ ЧЕТВЕРТЫЙ...

Видимо, у читателя уже возник вопрос: а каков принцип производственного самоуправления бригады? В его основу были положены опыт колхозного строительства и передовые идеи сельской педагогики. Высший орган самоуправления здесь — общее собрание, на котором избирается во главе с бригадиром совет. Класс делится на звенья, работающие по круглогодичному циклу.

Производственное обучение и тут начинается в стенах школы. А потом поля, на которых ребята сами выращивают все те основные культуры, что и «взрослые» полеводческие бригады. В прошлом году они произвели продукции на 350 тысяч рублей.

За три десятка лет неизмеримо усложнился сельскохозяйственный труд, пришла в село качественно новая техника, изменились сами условия труда на полях и фермах. Все это нашло отражение здесь, в ученической. Недавно создан подлинный уборочно-транспортный комплекс, организованы специализированные звенья для проведения обработки и уборки пропашных культур, звенья мелиораторов и юных животноводов.

...Сейчас 320 школьников трудятся на полях и фермах колхоза «Россия» — летняя практика. Конечно, с помощью наставников каждое звено из 9—12 школьников работает как самостоятельное хозяйственное подразделение.

Этого нет пока что нигде, кроме как в григоропольской бригаде!.. Именно за успехи в трудовом воспитании подрастающего поколения школа награждена в 1966 году орденом Трудового Красного Знамени. А через восемь лет после того сама ученическая производственная стала лауреатом премии Ленинского комсомола.

За время существования бригады свыше пятидесяти воспитанников пополнили коллектив колхоза «Россия»; каждый четвертый колхозник — бывший работник «девятой». А в этом, юбилейном году...

Из тридцати выпускников школы 1984-го семнадцать уже работают в колхозе!..

САКМАНЩИКИ

В другой станице, Рождественской, родилась первая на Ставрополье овцеводческая ученическая бригада. Директор совхоза «Овцевод» А. Г. Шейкин рассказывал:

— Овец у нас — 45 тысяч. Отметьте: 65 процентов поголовья — овцематки. Представьте, сколько требуется рабочих рук в разгар ягнения? Мы ежегодно задыхались от нехватки сакманщиков. И руководители совхоза обратились к учащимся с просьбой помочь выращивать ягнят. И ранней весной автобус «Школьник» стал возить ребят в два овцегорода и на кошары.

В совхозе костяк чабанских кадров крепкий. Только таких, как Иван Захарович Блохин, все равно мало. Всей повадкой своей, даже внешне, он для ребят пример. Овцы у него упитанные, чистые, какая бы ни была в степи грязь.

— Овцу обидеть так же позорно, как человека. А уж ягненка... — так считает Иван Захарович.

И ему доверил совхоз стать наставником юных овцеводов.

Попросил я Блохина рассказать, как он работает со школьниками. Он улыбнулся тепло:

— Это наш золотой резерв. У ребят взгляд проницательный, зоркий. И ноги резвые. Где неполадок, сразу найдут и устроят. В первый день провожу я инструктаж по технике безопасности: что можно, а чего нельзя. Мы, чабаны, не только в журнале расписываемся за детей, а отвечаем за них перед своей совестью...

...Овцегорода. Живут чабаны в полевых вагончиках. Весной, в разгар ягнения, ночи у них тревожные: не спят, выбирают из отары «тяжелых» овцематок, принимая новорожденных. Но дежурят они попеременно, на третьи сутки отправляясь в станицу, и семье. Только у Бронникова ни выходных, ни проходов — не может он поехать в Ставрополь.

Познакомились мы с Бронниковым года четыре назад. Школьники, ловко управляясь с машинками, помогали чабанам в стрижке овцематок. В конце корпуса рослый мужчина лет под тридцать ставил циты.

Пожали друг другу руки. Разговорились. Сказал он мне, что опыт завтра начинается с учениками. Предыдущий опыт показал: если соблюдать рацион, который вычислен и проверен школьниками, совхозная овца дает полилограмма прибавки мытого волокон.

На спорную руну пометил я себе тогда: «Очень грамотный чабан Бронников. Симпатичная лич-

ность». И вдруг узнаю: Бронников — научный сотрудник Всесоюзного НИИ овцеводства и мотоводства, кандидат сельскохозяйственных наук.

В 1978 году, в самом начале специализации ученической бригады по овцеводству, опытничество должны были возглавить специалисты совхоза. Но в это же время пустили нормоцех с новейшим оборудованием. И чтобы без «осечки» делать полнорационные гранулы, пригласили из ВНИИОКа научного сотрудника. Вот там и она — здесь Бронников.

Иван Николаевич с первого дня стал прививать ребятам любовь и самостоятельным исследованиям. Усложнял темы. Вот проверяли они наличие в местных нормах микроэлементов. Тысячу и один раз анализ взяли — вроде достаточно. Исследования прекратили. А Галя Полянова продолжала искать и обнаружилась: не хватает овцам меди. Настоящая девушка!

Главный опыт сакмана-83 ставился в отаре старшего чабана Василия Григорьевича Кудинова. Тема: энергетическая обеспеченность рациона овец. Иван Николаевич работал, как всегда, вместе с ребятами.

В совхозе «Овцевод» верят в производительную силу науки. Назовем лишь несколько институтов, с которыми тесно сотрудничает хозяйство — почвенный институт имени Докучаева, ставропольские НИИ сельского хозяйства и гидротехники и мелиорации, Всесоюзный НИИ овцеводства и мотоводства. Четыре года назад и ним прибавился Ставропольский педагогический институт. Дело в том, что ежегодное привлечение ребят к работе на сакмана никак не могли увязать со школьной программой. Ведь в поле ученические бригады работают в основном летом, когда закончится учебный год. В овцеводстве же главная кампания — выращивание ягнят — проходит зимой и весной. Как быть? Сотрудники кафедры и дирекция «Овцевода» добились в крайнюю, чтоб разрешили перенести производственную практику учащихся с лета на март — апрель, на «пик» сакмана. А потом, в июне, столько же дней ребята учатся. Школе разрешили также привлекать к труду учеников 5—8-х классов. А дошколят возят в отары на экскурсиях. И вот результат: больше половины выпускников станичной школы остались работать в совхозе. Ежегодно ребята выращивают в «Овцеводе» до десяти тысяч ягнят.

...Мы рассказали о жизни всего двух ученических бригад Ставрополя. А ведь есть еще лауреат премии Ленинского комсомола ученическая производственная бригада Новолазовской сельской школы, носящая имя первого космонавта планеты Ю. А. Гагарина. Знаменательно, что председатель колхоза имени XX партсъезда П. Г. Годин, где хозяйствуют школьники, — кандидат педагогических наук... А всего в крае около 360 ученических бригад, и каждая внесла что-то свое в копилку общесоюзного опыта.

Ставропольский край.

Больше всего любят девочки уроки учителя домоводства Лидии Григорьевны Писаревой * Таня Братчикова и ее подруги выращивают поросят.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Звеньевой ученической производственной бригады Александр Гладков * Николай Иванович Бутенко [в центре], директор ССПТУ-9, знакомит учащихся с новой техникой * Может, и Галя Дронова останутся работать в колхозе.

Фото Д. ДЕБАБОВА

Едва оказавшись перед открытым роялем, пианистка как бы перестает вдруг существовать в своем прежнем, совсем недавнем облике.

В самом деле, вот только что, за несколько минут до начала концерта, разговаривала с нами, улыбалась, поправляла то наикудку, то непослушную копну волос... Но, едва прикоснувшись к клавиатуре, она будто сама становится музыкой. Все в ней теперь другое: и лицо, и взгляд, и даже крупные, сильные руки, ставшие вдруг летящими, редкостно выразительными.

Перед нами пианистка Татьяна Федькина.

Татьяне Гавриловне ее фамилия нравится. Более того, своей фамилией она гордится по праву: фамилия как бы подчеркивает исконные народные корни таланта, дорогие сердцу связи с предками.

Отец Тани, коренной москвич, Гаврил Иванович не был музыкантом, он был юристом. А Таниной матери, Марье Борисовне, обремененной большой семьей, было не до музыки. Таня же — восьмой по счету ребенок в семье — проявила вдруг к музыке необычайный интерес. Года три ей тогда было.

Самую младшую Федькину за-

нением, а быть может, и вовсе не поверит на слово, что Таня начала пусть не напрямую понимать разумом, а всего лишь самой собою, своим крохотным, но уже настороженно-чутким к звукам, внимательным внутренним существом чувствовать, что музыка ей необходима, то на случай именно такого вдруг сомнения у Татьяны Гавриловны есть доказательства бесспорные. И прежде всего старинный семейный альбом.

Раскроем альбом... Маленькая девочка с бантиками — и музыка. Девочка с косичками — и музыка. И, наконец, девочка в окружении многих людей — счастливых, ликующих, смеющихся, аплодирующих.

Первый публичный концерт состоялся, когда Тани не исполнилось еще и четырех лет.

А в четыре с половиной года она — участница большого официального концерта в Колонном зале Дома союзов. И тут на успехи юной пианистки откликнулась большая пресса, возникло общее внимание к девочке-вундеркинду. Об этом опять же свидетельствуют фотографии, письма... Множество доказательств глубокого интереса людей взрослых к таланту ребенка, который продолжал крепнуть и развиваться.

Наконец и в семье решили:

Пианистка в любом концерте: в зале, до отказа заполненном публикой, или оставшись с глазу на глаз с несколькими — наперечет — любителями музыки, — погружается в искусство всем существом. Ее победительная, энергичная, а вместе с тем глубоко проникновенная манера исполнения, непритворная любовь к творчеству сразу ощущаются любой аудиторией.

Артистка приобщает нас к богатству высочайшей классики. К творениям Шопена, Шумана, Моцарта, Бетховена, Чайковского, Рахманинова... И понятно: именно их высота определяет всегда атмосферу огромного зала или пусть даже комнаты — это для Федькиной несущественно. Нам, внимающим музыке, кажется, что пианистка словно «разговаривает» с каждым из нас и одновременно с роялем; либо остается один на один с композитором, создавшим музыку.

Это процесс неоднозначный, иногда непостижимый. Многие, наверное, видели фильм о Паганини: это была попытка — удивившая, а потому запомнившаяся — найти и объяснить именно заветный секрет душевных взаимосвязей музыканта и музыки, тех именно связей, которые во всех своих возможностях бывают еще довольно редки. А потому и ос-

Книги о Москве — одни из наиболее популярных среди многих разделов литературы познавательного характера. Москва — тема поистине неисчерпаемая! Вот и этот компактный томик с небросным названием «Прогулки по Москве», выпущенный редакцией краеведения издательства «Московский рабочий», отмечен яркой индивидуальностью. Внимательного читателя заинтриговывают уже два рисунка на обеих сторонах обложки. Гостиница «Россия», высотный дом в Котельниках известны не только москвичам. Но, оказывается, как романтично все их окружение! И откуда они так неожиданно открываются!.. Перебирая в памяти свои излюбленные маршруты, листаясь книги с многочисленными рисунками на полях и в тексте и убеждаясь, что прогулки это особое, что авторы ведут читателя увлекательными путями, что вся книга — результат их острых наблюдений. Эта книга о Москве необычна самим подходом и ее архитектуре — ведь это архитектурные зарисовки.

Архитектурой Москвы интересуются сегодня многие, и авторы говорят с читателем как профессионалы — серьезно, обстоятельно, без сниска на «непосвященность», а потому увлекательно. Они даже не столько рассказывают, сколько учат видеть. Малоизвестные исторические факты, даты, имена — разумеется, это тоже есть, но скорее как богатый и колоритный фон. Главное — это московская архитектура. Именно она и предстает перед читателем в необычном освещении. Живая, много впитавшая в себя, много видевшая и готовая щедро отдать накопленный веками огромный эмоциональный заряд. Но чтобы немые стены заговорили, нужно научиться понимать язык архитектуры. Этому и посвящены «Прогулки», сопровождаемые многочисленными рисунками архитектора и художника Ю. Сомова. Открывая Москву зачастую в неожиданных ракурсах, рисунки органично сливаются с текстом, дополняя, делая зримым рассказ увлеченных гидов. Это не просто иллюстрации, но параллельно развивающийся «графический текст».

И вот в какой-то момент вдруг вспоминаешь, откуда те два рисунка на обложке: да ведь они едва ли не с одной точки от перекрестка Старосадского, Хохловского, Малого Ивановского и улицы Забелина, что веером расходятся от «Владимира в Старых Садах». И хочется скорее пойти на место, проверить себя.

Красная площадь, Кремль, Бульварное кольцо... Кажется, уж здесь-то коренной москвич знает каждый поворот, каждый оттенок московского пейзажа. Нет, говорят авторы, древний наш город тем и прекрасен, что неисчерпаем как предмет эстетического и культурного познания.

Издательство «Московский рабочий» выпустило интересную книгу, очень полезную и для исконных москвичей и для многочисленных туристов. Москва предстает перед ними как город волнующе романтический, удивительно своеобразный, калейдоскопичный и колоритный по своей архитектуре. Сегодня мы ищем новые активные формы эстетического воспитания трудящихся, и такие книги, как «Прогулки по Москве», рождают чувство глубокой гордости за великое наследие отечественной культуры.

Жаль только, что бумага, на которой напечатана книга, не соответствует ни ее эстетическому содержанию, ни тонким, мастерски сделанным рисункам. Ведь с такой книгой читатель идет по Москве, она должна долго служить ему. При переиздании — а книга, безусловно, того заслуживает — нужно учесть это обстоятельство. В таких книгах все должно быть одинаково высокого качества — и содержание, и рисунки, и типографское исполнение.

Савелий ЯМЩИКОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

Звучит рояль...

гадочно притягивал к себе инструмент, до которого ей тогда даже и дотронуться, дотянуться не было. Но если удавалось, она подолгу слушала, замерев, таинственные, певучие и всегда разные, «непохожие» звуки. Слушала. А не забавлялась. Это было совсем другое состояние: ей хотелось не только тронуть, но слово понять каждую клавишу.

Отношение девочки к музыке, разумеется, радовало и удивляло близких. Но до поры до времени не особенно их заботило. Как в пословице говорится: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало»... Но дитя теперь не столько «тешилось», сколько внимательно слушало музыку.

Звучит рояль... И Таня, если даже чем-то расстроена, огорчена, сразу успокаивается: слушает.

Звуки рояля становились жизненной необходимостью для девочки: она вдумывается в них и запоминает. И рояль тоже ей «отвечает» — становится все более послушен ее детским рукам.

Наверное, такому, уже в ту пору заинтересованному, упорному ее труду могли бы позавидовать иные ученики нынешних музыкальных школ.

И если кто-то отнесется с сом-

«Татьяну надо учить всерьез».

Первыми учителями Тани были сначала А. Артоблевская, потом Л. Оборин... В Московской консерватории, которую Таня окончила с золотой медалью, развитием исполнительского дарования пианистки руководил профессор Е. Малинин. Кстати, он уже тогда восхищался более всего именно тем, что с детства было и теперь остается главным в творческом облике пианистки, а именно полнотой и глубиной ее отношения к музыке. Ее пониманием музыки как главного содержания своей человеческой судьбы...

Так шло становление Татьяны Федькиной. Из вундеркинда она стала музыкантом зрелым.

О музыке, а значит, о музыкантах говорить, пожалуй, еще труднее, чем о поэтах и поэзии... Говорить тем труднее, чем выше их совершенство, чем глубже постижение красоты искусства как большого народного достояния...

А чтобы музыка и поэзия сохранились, могли жить и оставаться в народе, им равно нужны люди влюбленные и умные. Знающие язык искусства, чувствующие его мощь и обаяние. И позволяющие всем нам к этому чуду приблизиться.

таются одной из загадок творчества...

Именно поэтому увидеть Татьяну Гавриловну Федькину, когда она за роялем, так же важно, как и услышать.

С детства и на всю жизнь артистка осталась сама собою. Сохранила и развила свою редчайшую индивидуальность, непосредственность, способность к самоотдаче. Кстати, это подтвердил недавний большой концерт Т. Федькиной, показанный по Центральному телевидению.

Наверное, пианистку хорошо помнят и по-прежнему любят в Польше, где она стала лауреатом шопеновского конкурса...

— Татьяна Гавриловна, а какие сейчас у вас поездки?

— В основном по родной стране... Хорошие поездки! Всегда радуется отзывчивая аудитория, умная, серьезная публика. Ее вижу в каждом нашем городе. Люди радуются, встречая, а провожают сердечно. Ждут новых встреч. Это всегда трогает. Помогает жить.

Без шума, достойно работает пианистка. Умеет быть счастливой, радостной. По-прежнему любит свое призвание. И служит ему.

ВЫЛЕТ НА ЗАКАТЕ

22 июля — День возрождения Польши. Сорок лет назад началось освобождение страны от фашистских захватчиков. Вместе с поляками за свободу их родины сражались и советские солдаты. 600 тысяч наших воинов пали на польской земле.

Сегодня мы рассказываем об одном эпизоде того героического времени.

Адрес на конверте был необычным: «Начальнику Аэрофлота — аэродром. Москва». В письме говорилось:

«Уважаемый начальник аэродрома! Убедительно прошу Вас разыскать летчика Павлова и вручить ему мое письмо. Летчик Павлов прилетал на территорию Польши 6.VI.1944 года, привез нам боеприпасы, оружие, медикаменты, а забрал у нас раненых польских партизан и четырех английских летчиков, находившихся в нашем отряде. Мы, польские партизаны, высоко ценили летное мастерство и отвагу советских летчиков. Они оказывали нам неоценимую помощь в борьбе с немецкими захватчиками. Пусть живет вечно польско-советская дружба, сиречь сиречь кровью в боях с гитлеровцами. Бывший командир польско-советского партизанского отряда Миколай Куницкий, партизанская кличка «Муха».

Письмо нашло адресата — Героя Советского Союза Владимира Федоровича Павлова, одного из лучших летчиков Аэрофлота, летавшего по международным линиям.

В летной книжке Павлова значится 350 боевых вылетов. Это полеты в тыл врага. Восемьдесят из них с посадкой на крохотные лесные аэродромы белорусских, польских, югославских партизан. Прошли десятилетия, а ночной вылет 6 июня 1944 года в село Гута-Кжешовска до сих пор в его памяти.

...На востоке в потемневшем небе зажглись первые звезды, когда на аэродроме Белая Церковь, недалеко от Киева, загудели авиационные моторы — 2-й авиационный транспортный полк, базировавшийся здесь летом 1944 года, начинал боевые вылеты. В ту ночь готовился к выполнению боевого задания и экипаж Владимира Павлова в составе: второй пилот Василий Костин, штурман Дмитрий Лисин, бортмеханик Александр

Князьков и бортрадист Иван Шевцов. На польской территории в Яновских лесах Люблинского воеводства попал в окружение партизанский отряд. Народные мстители нуждались в боеприпасах, оружии, медикаментах. В отряде были и тяжелораненые.

Командир полка Алексей Иванович Семенов приказал вылететь двум самолетам. Одному на тридцать минут раньше, чтобы приземлиться на партизанский аэродром, разгрузиться, забрать раненых. Вторая машина, Владимира Павлова, должна была с воздуха сбросить груз и без посадки возвращаться.

Линию фронта миновали благополучно. Она ясно обозначалась вспышками орудийных выстрелов, разрывами снарядов, светящимися строчками трассирующих пуль. А дальше самолет поглотила глухая ночь. Вдруг луна выглянула из-за туч, и почти сразу взметнулись в небо белые лучи прожекторов, мертвой хваткой вцепились в самолет. Пилотскую кабину затопил слепящий свет, красные бусинки зенитных снарядов, догоняющие в воздухе друг друга, потянулись с земли.

Павлов резко прижал самолет чуть не к самым крышам, уповая, что на пути не попадет костел или другое высокое строение. Риск себя оправдал: он вырвался из цепких объятий прожекторов.

В расчетное время летчики при лунном свете опознали село Гута-Кжешовска. Недалеке от него увидели и партизанский сигнал — костры, выложенные конвертом. Помогали бортовыми огнями, земля ответила условным паролем — две зеленые ракеты прочертили темноту.

— Прежде чем выбросить груз, мы включили фары и низко прошли над посадочной площадкой. Увидели поле колосистой ржи, но ни следов посадки самолета, ни его самого не было. Зашли вторично и опять ничего не увидели. Стало ясно: напарник еще не прилетал. Возможно, его сбили. Что делать? Выбросить груз и улететь? А если второй все-таки прилетит, то вряд ли он благополучно сядет на поле, изрытое стокилограммовыми тюками. И потом как же раненые? Они ждут помощи... Решил садиться! — рассказывал Владимир Федорович.

Самолет коснулся земли и заскользил в ржаном море. Павлов выключил фары, но партизаны не подходили. Снова включил их и увидел фигуры, припавшие к земле. Он дал команду экипажу быть готовым в случае чего к немедленному взлету. Взяв автоматы, открыли грузовую дверь. В свете фар увидели идущих по полю ржи польских партизан в форменных конфедератках. Свои!

Владимира Павлова крепко обнял командир польско-советского партизанского отряда Миколай Куницкий. Он был в немецком офицерском кожаном пальто, в руке держал даустовскую ракетницу, которой подавал сигналы самолету.

К общей радости, вскоре послышался шум двигателей второго транспортного самолета. Он разгрузился, взял раненых и улетел. Павлова просили немного подождать, есть еще тяжелораненые.

Небо на востоке начало светлеть. Посвежело, выпала роса. Наконец, послышались скрип повозок и фыркание лошадей. Привезли двадцать польских партизан. Павлов подумал, что взлет по ржаному полю, на краю которого стеной стоял сосновый бор, будет на перегруженной машине сложным. А тут привезли еще четверых...

— Этих взять не могу, — протестовал Павлов.

— Они у нас умрут, — ответил Куницкий.

— Что ж, грузите!

Самолет проваливался в грунт, шел на взлет тяжело. Сосновый бор — граница ржаного поля — грозно надвигался. Пришлось остановиться, отрулить назад и по проделанной колее снова начать разбег. Опять неудача! Вернулись, едва приготовились взлетать, как бортмеханик Александр Князьков остановил:

— Командир, температура масла в двигателях выше нормы!

Выключили моторы, стали искать неисправность. Оказалось, что мокрые от росы колосья ржи забили соты масляных радиаторов. Пока их чистили, пока снова запускали двигатели, совсем рассвело. С третьей попытки Павлов взлетел — и вовремя: подошли три «юнкерса». Они чудом не заметили его и стали яростно бомбить уже опустевшее ржаное поле.

День наступил ясный. В синем небе ни тучки, ни облачка, за которыми мог бы укрыться невооруженный транспортный самолет. Чтобы не стать легкой добычей «мессершмиттов», Павлов летел на бреющем, так низко, что едва не рубил винтами кусты. К линии фронта подошли незамеченными. С малой высоты Павлов хорошо видел фашистских солдат. Услышав рев авиационных моторов, гитлеровцы в панике бросились врассыпную. Опомнились и начали стрелять, когда самолет уже был далеко. Час спустя Владимир Павлов приземлился на родном аэродроме...

* * *

Из донесения командира польско-советского партизанского отряда Миколая Куницкого:

«...На 7.VI.1944 года в отряде числилось 248 бойцов.

В ночь 6.VI. 7.VI. получили от советских летчиков оружие, боеприпасы и стали выходить из окружения. После тяжелых боев отряд 14.VI.1944 года вышел из кольца и полностью оторвался от противника».

Командир польско-советского партизанского отряда Миколай Куницкий [партизанская кличка «Муха»]. Фото 1944 года.

Экипаж транспортного самолета, летавший к польским и югославским партизанам (слева направо): бортмеханик Дмитрий Сочнов, бортрадист Иван Шевцов, командир корабля Владимир Павлов, штурман Дмитрий Лисин, второй пилот Василий Костин. Фото 1944 года.

Ее рабочее место.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
фото Дмитрия ДЕБАБОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

МАРШРУТ ФИЛЬСИНЫ ФАХРИЕВОЙ

Шестого мая водителю казанского трамвая Фильсине Фахриевой исполнилось двадцать пять лет, а она уже депутат Верховного Совета СССР...

Трамвай для Казани — что метро для Москвы. Половина всех транспортных перевозок приходится на городскую «железку». Вряд ли найдется в стране другой крупный город со столь высоким удельным весом нагрузок на этот старейший вид транспорта. Маршрут № 5 Фильсины пролегает по наиболее густонаселенным районам Казани — Бауманскому, Вахитовскому, Советскому. Трамвай — спасение. Нужно ли пояснять, сколь нелегка в таких условиях работа водителя трамвая?

Люди, когда их много и когда им тесно, не те, что дома за чашкой чая. С ними нужно уметь общаться. Не только по части формально-обязательной — не толь-

ко предупредить об угрозе закрывающихся дверей или объявить следующую остановку...

Что значит общаться с пассажирами? Доводилось ли вам слышать, как некоторые водители городского транспорта рассказывают о достопримечательностях города и на каждой остановке желают выходящим доброго пути и здоровья? Понятно, что водителями этими руководят добрые чувства. Однако, как сказал мне начальник трамвайно-троллейбусного управления Казани Х. Х. Акалаев, водитель обязан создать вокруг себя обстановку, не отвлекающую его от выполнения прямых обязанностей, так что лично он, Хайдар Хаснутдинович, такое подвижничество на ходу не поддерживает. Но вот у дверей вагона беспомощно остановилась старушка, и тут из динамика доносится веселый голос Фильсины:

— Ребятки, милые! Что ж это мы с вами про бабушку забыли? Бабулю, конечно, едва ли не на руках внесли, а в вагоне сразу словно теплее стало, лица людей как-то посветлели.

Конечно, на кабине нет надписи, что вагон ведет депутат Верховного Совета. Да и не может быть, потому что вот табличка, на которой написано, что отвлекать водителя во время движения категорически запрещается.

Но свой пассажир, естественно, и так все знает. А потому на остановке кто-то обязательно постучится в дверь — вроде бы деловой вопрос задать. Ему, пассажиру, просто поговорить хочется со своим депутатом. Таким молодым и таким обаятельным.

Название деревни, где Фильсина родилась и выросла, звучит смешно и ласково — Кумургузя. И росла девочка в доброте и

ласке, в семье она самая младшая да к тому же единственная дочка из четверых детей. Так что мужской работы не знала — братья не позволяли. Но женской, конечно, хватало, и не только по дому. Мать Фильсины Магиразан Валеевна телятницей работала, думала и дочку к этому делу приобщить: она животных любила. Но вот, кажется, классе в восьмом поехала в Казань погостить у двоюродной сестры Розы, а та водителем трамвая была. Так и Фильсина определила свою судьбу — сразу и без колебаний.

Когда девушка окончила десятилетку и захотела в город, председатель колхоза повздыхал-повздыхал, но отговаривать не стал: хозяйство богатое, рабочих рук хватало. Мать с отцом — те другое дело, но что об этом говорить?

Однако, придя в отдел кадров

→ трамвайного депо, Фильсина узнала, что семнадцатилетних на такую работу не берут, придется подождать. Пошла работать на стройку штукатуром-маляром, а в день, когда ей исполнилось девятнадцать, снова явилась в депо.

Ее наставница Ольга Романовна Андреева вспоминает, как Фильсине не терпелось самостоятельно повести вагон. И вот наконец взялась за рычаги управления.

— Тихонько на стрелке, Фильсина... Снимай с ходовых... Вторая ходовая позиция... Не смотри на рукоятку... Погляди, нет ли справа большой машины, боковое зеркало может задеть,— шептала Ольга Романовна.

Она относилась к Фильсине, словно к дочке. Смышленной, послушной и веселой. Дело шло споро, как по рельсам. Если б все ученицы были такими!—вздыхала Ольга Романовна.

Она часто садилась на водительское место сама, а Фильсина стояла рядом, мысленно вела трамвай, да еще и с комментариями:

— Тихонько на стрелке, тетя Оля... Снимайте с ходовых... Вторая ходовая позиция... Не смотрите на рукоятку... Поглядите, нет ли справа большой машины...

Как-то вечером Фильсина сделала замечание разнузданному детине. Тот на остановке открыл дверь кабины и, сильно ударив ее по голове, сбежал. Несколько минут она не могла прийти в себя, но потом поднялась и прежде всего проверила кассу. Несмотря на сильную боль, вернулась на свое место и повела трамвай. Она еще не знала, что у нее сотрясение мозга, думала лишь о том, что нужно доехать до депо...

Водители трамвая работают в три смены. К первой смене их привозят вахтовые машины. Ко второй приезжают сами. Иные точно к началу работы, чтобы успеть сделать лишь необходимое. Фильсина обычно за час. По несколько раз перечитывает, перепроверит всю документацию, техническое состояние обоих вагонов, да еще и тряпкой по ним обязательно пройдет, хотя уборкой и мытьем подвижного состава занимаются другие. А еще ей просто воздухом депо подышать нужно. Да, вагоном движет не только тяговая сила электромотора...

И вот в клубе трамвайного депо состоялось собрание коллектива, и Фильсина услышала, как ее, 24-летнюю комсомолку, назвали кандидатом в депутаты

высшего органа власти всего Советского государства.

Через несколько дней морозной январской ночью она стояла, поджидая вахтовую машину, и вдруг в свете уличного фонаря увидела на стене предвыборный агитационный плакат со своим портретом. Не то, чтобы она не верила, но будто это происходило не с ней... Даже после выборов, принимая поздравления, она не чувствовала легкокрылого, вдохновенного счастья. Вся была в себе.

С того дня прошло пока не так много времени, но, видимо, достаточно, чтобы Фильсина посмотрела на себя со стороны новыми глазами. И поняла всю полноту своей ответственности перед людьми.

Теперь она работает только в первую смену, а потом занимается депутатскими делами. Они же нахлынули, как паводок на Волге в дружную весну.

Люди пишут, приходят, останавливают прямо на улице. У всех свои проблемы. Она выслушивает всех, записывает. Ходит по инстанциям, по кабинетам руководящих и ответственных товарищей.

Вот, например, письмо от семьи Зиганшиных, с улицы Каюм-Насыри. Муж, жена, трое малолетних детей. Недостаток жилой площади. Железнодорожный кассир Альфия Зиганшина стояла в очереди на получение квартиры, но в конце длинного списка, и новоселье ее семье справлять, казалось, нескоро. Стараниями Фильсины Зиганшины поставлены в число первоочередников.

Однажды мы с Фильсиной вошли в кабинет начальника отдела внутренних дел Бауманского района полковника Н. А. Диденка. Причина визита — тяжелые отношения с соседями у женщины, обратившейся к Фахриевой как к депутату. Как выяснилось, формально милиция в это дело вмешаться не может, но Николай Александрович подсказал, что нужно сделать.

Недавно Фильсина Газизовна была в Москве в Министерстве жилищно-коммунального хозяйства РСФСР. Пробивала решение вопроса о строительстве в Казани завода капитального ремонта электротранспорта — таков наказ избирателей. Позвонила мне: дело как будто движется, обещают, но, видимо, придется еще не раз приехать. Я ей про Москву, которая не сразу строилась. А она в ответ: «И Казань тоже».

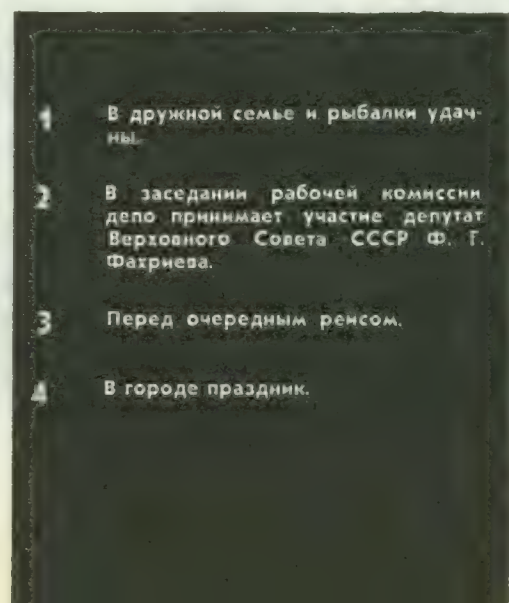
Я пожелал ей успехов. С тайным сочувствием. И гордостью за нее.

1

2

3

1 В дружной семье и рыбалки удачны.

2 В заседании рабочей комиссии депо принимает участие депутат Верховного Совета СССР Ф. Г. Фахриева.

3 Перед очередным ренсом.

4 В городе праздник.

— Алим Пшемахович, в эти дни интересно окинуть взглядом пройденный путь. Сын крестьянина-бедняка, вы стали народным поэтом Кабардино-Балкарии, заслуженным деятелем искусств Узбекистана, лауреатом Государственной премии РСФСР имени М. Горького. Читателям хорошо известны ваши сборники стихов «Земля молодости», «Теплый камень», «Талисман», «Кубок неба», романы «Чудесное мгновение», «Сломанная подкова», «Вершины не спят», пьеса «Альхо» и другие произведения, посвященные возрождению горной Кабардино-Балкарии к новой, светлой жизни. Ваш творческий путь наглядно отразил те огромные преобразования, которые произошли в некогда отсталых национальных окраинах царской России за годы Советской власти. Что привело вас в литературу и кто были ваши учителя?

«Все доброе рождала лишь любовь»

— В детстве я стремился походить на своего школьного учителя, писавшего стихи, и завел специальную тетрадку. Однажды, когда мы в классе сдавали письменные работы, я сунул заветную тетрадку в общую кучу и вскоре был вознагражден похвалой учителя, после чего обрел уверенность в себе и истово продолжал свои поэтические опыты. В институте я вступил в литературный кружок. Помню, с какой гордостью принес я товарищам-литературовцам молодежный альманах, в котором была напечатана подборка моих стихов. Случилось это в 1934 году. Спустя семь лет вышел мой первый поэтический сборник — «У подножия гор».

Я начинал в то время, когда народы Северного Кавказа лишь недавно обрели письменную литературу и жадно потянулись к знаниям. Это был волнующий процесс; национальные литературы выступали проводниками идей Октября, заражали трудящиеся массы революционным пафосом эпохи, учили их быть подлинными хозяевами жизни.

Как и всем моим землякам-писателям, мне очень хотелось способствовать росту общественного самосознания родного народа, поведать людям правду о небывалых переменах, творящихся вокруг. Одним из удивительных новшеств входило в те годы в быт горцев радио. Стихи, звучащие из репродуктора, долго потом обсуждались в аулах, помогая духовному возмужанию народа. Под знаком всего этого и развивалось мое литературное творчество.

И еще. Устная кабардинская поэзия имеет свои особенности — в ней сливаются воедино поэзия и сказания. Может быть, отчасти этим объясняется в моих книгах синтез (надеюсь, органический) стихов и прозы, которая нередко выглядит у меня развернутым комментарием и поэтическим источником. По крайней мере так мне кажется.

Что же касается учителей, то этот на первый взгляд простой и даже банальный вопрос требует от писателя серьезных размышлений. Назовешь известные имена, а читатель скажет: «Ничего-то подобного им у тебя нет». И будет формально прав, если понимать данный вопрос буквально. Но ведь речь идет не об эпитетах, не о примитивном «повторении» учителя. Нужно учиться, а не заимствовать, учиться культуре художественного мышления, умению поль-

зоваться палитрой, искусству подбора красок, наиболее точно отвечающих поставленной задаче, манере живописания, одним словом — мастерству. А тут у каждого из нас вереница великих предшественников, с которыми следует соотносить свое творчество.

Читая первые литературные произведения на родном языке, я вдохновлялся ими и не сомневался, что и я «так смогу». Однако позднее, встретившись с поэзией Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Есенина, Байрона, Шелли, Бернса, я увидел перед собой недостижимые горные вершины и с тех пор сверяю свой путь по ним. «Поручик Лермонтов, у вас // Хочу быть в званье рядового», — эта строка одного из моих стихотворений является для меня программной.

— Какой представляется вам цель писателя?

— Думаю, в создании образов, помогающих людям быть лучше, чище и — главное — добрее. Доброту же питает любовь к человеку, без которой нет писателя.

Позволю себе процитировать одно свое стихотворение:

И я постигнул с самого начала,
И убеждался после вновь и вновь,
Что ненависть лишь ненависть
рождает,
Все доброе рождает
лишь Любовь.

Лично мне особенно близка поэзия мысли, проникнутая глубокими философскими обобщениями и гражданственностью. Но и в ней поэт решает вечные вопросы бытия через авторское «я», то есть через образ лирического героя, чья душевная переживания вызывают ответный отклик у читателя. То же самое и в прозе. Образ, воплотивший характер эпохи, живет в литературе, не старея. Кто из писателей не мечтает в бесконечных нравственных исканиях, требующих мужества и упорства первопреходца, оставить после себя такие образы современников! Я, очевидно, тоже не являюсь исключением...

— Какие свои прозаические произведения вы считаете наиболее удавшимися?

— Каждое из них вынашива-

лось долго, в муках и по-своему дорого мне. В них плоды моих радостей и тревог, надежд и заблуждений. Но некоторые из этих книг я выделяю особо, как, например, роман «Сломанная подкова». Он принес мне наибольшее творческое удовлетворение, оказавшись вместе с тем самым трудным «ребенком». И я счастлива, что роман обрел собственную судьбу, читателей. А рядом с ним — роман «Сабля для эмира», освещающий напряженный период борьбы за установление Советской власти на Северном Кавказе. Здесь я попытался ввести в литературный оборот малоизученный исторический материал, который ныне выглядит, по моему убеждению, весьма актуальным и поучительным, ибо напрямую перекликается с трагическими событиями, происходящими на Ближнем Востоке.

— Алим Пшемахович, вы сами много переводили на родной язык классическую русскую и советскую поэзию. Не обошли вниманием переводчики и вас. Так что вам на собственном опыте известно, как осуществляются взаимосвязи в многонациональной советской литературе.

— Переводчики — мои верные соратники и друзья. Яков Козловский, Наум Гребнев... Я познакомился с ними на фронтах Великой Отечественной войны, и с тех пор мы работаем вместе. Четыре десятка лет совместной работы — срок вполне достаточный, чтобы научиться понимать друг друга без слов и знать, на что способен каждый. Я высоко ценю моих переводчиков как одаренных поэтов, принявших на себя в нашей литературе благородную миссию «офицеров связи» и имеющих свою твердую посадку в поэтическом седле.

— И последний, традиционный вопрос: над чем вы сейчас работаете?

— В основном над текущими планами Литературного фонда, председателем которого я вот уже более десяти лет избираюсь как один из секретарей Правления Союза писателей СССР. И надо сказать, общественная работа эта отнимает уйму сил и времени.

Но без нее я уже не могу, привык быть в гуще писательских дел, нужд, интересов, привык чувствовать свою полезность.

Ну, а в творческом плане продолжаю работать над тем же, над чем работал всю жизнь. Поверьте, в подобном ответе нет ухода от вопроса, так как с первых шагов и до последнего часа поэт занят только одним — выражением себя посредством слова. Если конкретно: пишу стихи и, конечно, о современнике, о его радостях и печалях, заботах и озарениях, о сегодняшнем дне, об ответственности за будущее земного шара. Как прозаик могу ответить еще конкретнее: пишу о женщинах, в судьбах которых переплелись сложные конфликты нашего бурного времени. Возвышение «сильного пола» или его низвержение, исторические потрясения, охватывающие целые континенты, непременно в первую очередь сказываются на женщинах, втягивая их в водоворот противоборствующих сил и зачастую ставя на острие атаки... Над этой проблемой я думаю сейчас и хочу, если удастся, написать об этом книгу.

Вообще же на какие бы темы ни писал писатель, он на протяжении всей своей творческой биографии никогда не забывает о самой главной теме — жизни и смерти, войны и мира. И участие в борьбе за продолжение жизни под солнцем — его гражданский, общечеловеческий долг.

Войну я знаю не понаслышке, глядел в ее страшный лик, видел причиненные ею бедствия и разрушения. Новая, термоядерная, война будет означать конец человечества. Не допустить всепланетную катастрофу еще можно и должно успеть! Уверен, что в решающем противостоянии двух миров, двух социальных систем простое человеческое слово, такое же древнее, как хлеб и жилище, приобретает исключительную действенность. Поэтому пусть вместо крылатых ракет летит над морями и материками крылатое слово поэта, слово писателя.

Беседу с А. П. Кешоковым вел
О. ЮРЬЕВ.

Вот уже более трех лет во главе Театра имени К. Марджанишвили стоит Темур Чхеидзе, художник таланта глубокого, серьезная страстность которого, интеллигентность и простота находят яркое, объемное воплощение в творчестве актеров. Отчетливость, смелость и острота режиссуры не поверхностны, не сковывают актера, напротив, предоставляют ему возможность творить свободно, исходя из своей художнической и человеческой индивидуальности. Оттого так радостны были встречи с театром во время недавних гастролей в Москве.

Именно внимание к исполнителю, желание, а главное — умение через актера вызвать идею произведения объединяют таких разных художников, как Темур Чхеидзе и Медея Кучухидзе.

Думаю, что именно в «Отелло» В. Шекспира и «Обвале» М. Джавахишвили концентрируется направление поисков, определяющих творческие интересы и стиль работы Чхеидзе: лишенное банальности, внешних эффектов, неторопливое исследование жизни души человека, глубоко трогательное сердце зрителя.

В прошлом году москвичи уже видели «Отелло». Спектакль, оставшись в тех же «берегах», вошел в силу, что всегда есть свидетельство верно избранного и глубоко прорытого режиссером русла.

Постановщик и художник (О. Ночанидзе, А. Словинский, Ю. Чиквинидзе) замкнули действие пустым деревянным помещением. Ни роскоши венецианских палаццо, ни статуй, козлов, ни простора дворцовых покоев на Кипре... Мортиры, пушки, чугунные ядра, тяжелые мешки с песком... Суровость военной походной жизни? Но что-то неуловимо напоминает трюм старинного корабля... Галера? Да, пожалуй, так. И острая неожиданность первой сцены — экспозиция идеи спектакля — подтверждает это.

Во тьме слышны резкие удары бича. Льющийся сивоз щели деревянной обшивки свет откроет нам людей, избиваемых черного раба. Это финал спектакля, возвращенный в начало. Дездемона уже мертва. Пришла к концу и жизнь Отелло, узнавшего, что «она была чиста, она тебя любила»... И человек, прежде гордый, полный достоинства, предав и уничтожив свою любовь, стал снова низким рабом. Когда-то он рассказывал Дездемоне о пережитых унижениях галерного рабства. Когда-то... Все последующее действие, разворачивающееся тихо, плавно, без резких перепадов состояния героя, — это воспоминания Отелло перед смертью. Перед тем, как перекусит он себе вены на запястьях, — там, где остались следы кандалов, ненавистные следы рабства.

Облик Отелло О. Мегвинетуху-

цеси — сам лад, сама гармония. Он здесь светел кожей. Лицо его чернеет, когда он убивает Дездемону, — почернела его душа.

Величавому благородству, сосредоточенному спокойствию этого Отелло под стать Дездемона — М. Джанашиа. Не белокурое, ласковое и миловидное создание, но женщина свободной Венеции, глубина и изысканность натуры которой и смелый ум проявляются естественно, просто и благородно.

Иссушенные страстями, которых он не в силах удовлетворить, бескровное лицо Яго — Н. Мгалоблишвили — напоминает портреты старых итальянских мастеров. Вот кто здесь реаниматор! И все, чем он не может обладать — тишина глубокого счастья, достоинство Отелло, благородство и изящество Дездемоны, беспечность Кассио, — он должен уничтожить и осквернить. Его пластика угрожающе остра, интонации откровенно резки. Но всего опаснее его улыбка, такая обаятельно простая, внушающая доверие. А когда все будет кончено, он останется невредим, затихший где-то в дальнем углу сцены... Это предостережение нам, сегодняшним.

Есть в этом прекрасном спектакле сцены, режиссерское решение которых, казалось, могло обернуться излишней внешней остротой и оригинальностью. Если бы не было оно естественным выражением внутренних процессов, подсказано движением жизни человеческого духа...

Во многом грузинский «Обвал» пропел то, что оставалось неясным, смутным в одноименном спектакле Художественного театра, который Т. Чхеидзе здесь поставил раньше. Режиссер как бы довел и свою мысль и художественные параметры спектакля до совершенства. Многие здесь зависело от исполнителя главной роли. Если у Любшина в мхатовском спектакле трагизм фигуры князя Хевистави имел не совсем оправданно обобщающий характер, то печальный исход его судьбы в исполнении Н. Мгалоблишвили во многом зависит от самого героя. От безвольной натуры соглашателя-либерала, его мягкотелой уступчивости, неумения оказывать сопротивление хамской нахрапистости бывшего слуги Джано (Г. Цицкишвили). Он не только революционные лозунги приспособил для собственной выгоды и удовольствия, но, изнасиловав няньку Марго, заставил ее подчиниться себе... Впрочем, о Марго разговор особый. Роль ее исполняет Н. Чиквинидзе, одна из интереснейших молодых антрис труппы. Думаю, мы еще услышим о ней, так ярко заявила она о себе и в «Обвале», и в «Провинциальном сюжете», и в «Самоубийстве влюбленных на острове небесных сетей». Гордая и самоуверенная нянька Марго — Н. Чиквинидзе — на наших глазах — и на глазах князя — становится, испытывая при этом сла-

достное чувство унижения, сначала любовницей звероподобного Джано, затем его женой, а в финале рабой...

Здесь смысляется идея «Отелло» и «Обвала»: потеря духовности, уступка низменному приводят к духовному рабству, утере человеческого...

Артистизм Мегвинетухуцеси, столь ему свойственный, более всего проявился в «Провинциальном сюжете» Л. Росебы (режиссер М. Кучухидзе), пожалуй, художественно наиболее совершенном спектакле; в нем, где актеры играют актеров, поистине пиршество театра. Не узнать О. Мегвинетухуцеси, вечер назад являвшегося в облике благородного красавца Отелло. Здесь он талантливо играет бездарного провинциального актера Лео, ерника и хама, кривляку и мучителя близких. А как хороша Г. Габуниа в роли его жены Нино! Сквозь комическую гротесковую внешность Нино и нелепость манер светит такая неунывающая женственная стойкость, такая всепрощающая доброта и нежность, что понимаешь, почему крепко держится за Нино неудачник Лео. И Зизи — несчастная, отчаявшаяся Зизи — Н. Чиквинидзе — откровение этого спектакля. Вроде бы перед нами раскрывается банальная, даже пошлая ситуация, захудалый и низменный быт. Но почему же вопреки этому у нас, сидящих в зале, ком в горле?.. Что заставляет нас плакать на этом спектакле светлыми слезами обновления?..

Пестрая занавеска, по диагонали пересекающая сцену, то загромождающая, то открывающая нам угол, где живет провинциальная антриса Зизи, как бы перечерчивает, сметает захудалый быт и становится театральным занавесом. Символом самого искусства. В этом спектакле воплощается знаменитый тезис, что предмет искусства могут быть вещи самые низкие: важно, во имя чего и как говорится о них со сцены.

О занавесе в Театре имени К. Марджанишвили тоже особо. В начале всех спектаклей марджановцев он раздвигался, заставляя наши сердца учащенно биться: что там, за занавесом? В финале он медленно сдвигался, постепенно скрывая от нас мир, в котором мы жили этим вечером. Занавес, от которого мы так отвыкли в последнее время, возвратил нам великое таинство Театра.

И хотя спектакли, показанные на гастролях, далеко не равноценны, ни один из них не может быть назван проходным, случайным. Каждый из них находится в русле нынешних серьезных поисков театра. Так, хотя желание Л. Росебы, автора инсценировки романа Л. Толстого «Анна Каренина», охватить почти все произведение обернулось торопливой скорописью в обрисовке характеров, — все же

есть в спектакле режиссера М. Кучухидзе достоинство. Это линия Левина, столь важная для Л. Толстого. Она стала равноправной для Анны. Обе линии идут параллельно, и в их взаимоотталкивании и противопоставлении выявляется сходство этих людей. Никогда они, оказавшись даже в самых благоприятных обстоятельствах, не будут благополучны, счастливы... Нравственное беспокойство, мятельность натуры заложены в каждом изначально. И в финале Левин (роль его очень серьезно сыграл Г. Бурджанадзе), как бы поняв и простив Анну, набрасывает поверх ее плаща — тревожного, красного — белый, такой же, как его одежда...

Есть в исполнении Софино Чнаурели роли Анны отдельные прекрасные мгновения; есть удачные сцены у Н. Махарадзе — Каренина, но цельного движения образов нет. Его и не могло быть в этом спектакле, где много внешних метаний, передвижений, беспокойства... Но все же эта неудача марджановцев лишена черт банальности, дешевого эксперимента. Поиски, здесь предпринятый, вызван желанием поднять один из важнейших слоев романа, сохранить при этом всю его сложность.

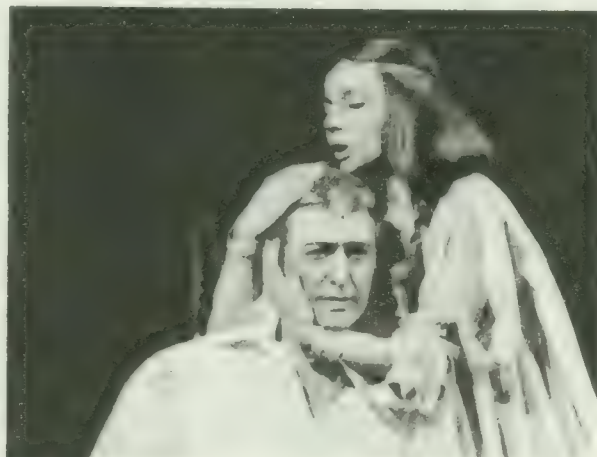
«Звездопад» О. Иоселиани (постановка Т. Чхеидзе и Г. Тодадзе) марджановцы посвятили 40-летию Победы над фашистской Германией. Этим спектаклем они расширяют тематику своей гастрольной афиши. Спектакль-притча, спектакль-реквием, посвященный тем, кто не вернулся с полей Великой Отечественной войны, исполнен пронзительно щемящей ноты. Трех сыновей потеряли старики родители. Кажется, навсегда деревья их сада останутся подернуты трауром; не бегать по траве внукам, — кончился род. Но именно по горькому и мудрому уговору стариков выходит замуж Татиа, невеста младшего сына. Живому жить! Зато навеки в памяти родителей, односельчан и любимых останутся родные лица тех, кто отдал жизнь, чтобы зеленели деревья на земле, плодоносили нивы, рождались и росли дети...

Как всякий творческий коллектив, Театр имени К. Марджанишвили знал разные времена — благоприятные и трудные. Но всегда неизменно одно: уровень художественности, который позволяет говорить о высокой культуре театра. И в этот приезд марджановцев нам открылось прекрасное, серьезное лицо коллектива, его живая, беспокойная душа... «Что там, за занавесом?..» Этот вопрос задавали мы себе каждый вечер во время гастролей в Москве.

И наш интерес ни разу не был обманут.

ЧТО ТАМ, ЗА ЗАНАВЕСОМ?

Сцена из «Отелло».

ДОЛГ

И без того в последнее время в его жизни не было ни склада, ни лада, а после поездки к Сырдарье все и вовсе расплозлось по швам. О, как возмущалась Бакизат, привыкшая всегда и во всем настаивать на своем. В гневе и запальчивости каких только слов не обрушила она на него! Несчастный, сказала она, посмотри хоть на себя. На кого ты стал похож! И еще говорила: в этой своей вечной погоне за рыбой ты и сам весь измотался и семью извел. Хватит! Никуда не поедешь. На улице перед домом подвывал мотор выдавшего виды колхозного грузовика. Шофер сигнализировал уже второй или третий раз.

— Сейчас! — с досадой крикнул ты в ответ. Тебя раздражал еще и этот шофер. Порядочный-таки нахал с вечно тлеющей папироской в углу рта, а низко надвинутой на лоб замасленной кепке со сломанным козырьком. И машина эта такая же тархтелка, как и он сам. Не сигналист — ревет по-дурному, как верблюдка к дойке.

— Ну пойми ты, дорогая... — сказал ты, насколько возможно смягчив голос.

— Не поедешь, и все! И слышать не хочу.

— Батиш... Ты же умница. Постарайся меня понять. Ну, просто нельзя мне не ехать.

— Это почему?

— Да ведь сама знаешь, там... там наши люди...

— Ничего я не знаю. Знаю только, что ради прихоти своей ты всем готов жертвовать.

— Ну, милая... что с тобой?

— А ничего. Ты разве не был там совсем недавно?

— Понимаешь, надо мне... надо! Сама посуди, все лето рыбаки пропадают там, на Сырдарье. Легко ли им? И у них тоже жены, дети... Представь только: солнце, слепни и комары съедают, улов ни к черту... Ну, кто еще, как не я, обязан их проведать?

Бакизат, казалось, задумалась. Слава аллаху, с облегчением вздохнул ты и несмело подошел к ней, встал рядом.

— Батиш... ну, умоляю тебя... в последний раз. Клянусь, съезжу только и вернусь.

— Сказала: не поедешь!..

— Батиш... Батиш-жан...

Ты шагнул было за ней, но тотчас остановился. Дверь громко захлопнулась перед самым твоим носом. Ты вздрогнул, не сразу убрал руку, нерешительно протянувшуюся за ней. И все стоял, пока не затих там стремительно удалявшийся сердитый перестук каблучков.

— Салам алейкум!

Никто, однако, не ответил. Что это с ними? Может, не расслышали? Задетый этим, он потоптался у порога, не проходя дальше, вглядываясь. Густой мрак зыбился по углам смрадной камышитовой лачуги. Тусклый свет керосиновой лампы у входа, мерцая, робко жался к подслеповатому, захватанному руками стеклу. То ли пар, то ли дым пеленой заволакивал глаза, и в первые мгновения ничего в этом чаду невозможно было различить. Растерянно помаргивая, он устоялся на закоптелый ушатый казан посреди лачуги. Рыбаки, насквозь продрогшие за день на осенней стуже в открытом море, плотно уселись вокруг огня под казаном, все еще не в силах отогреться. Кто-то, весь трясясь, сунув руки под мышку, лез чуть не в самый огонь; низко наклоняясь, яростно дул на него, а огонь то разгорался, то затухал, отсыревшие кривые сучья больше чадили, шипели, и едкий дым щипал глаза и перебивал дыхание.

— Вот проклятье! Да подуйте же кто-нибудь!..

Несколько человек начали дуть со всех сторон. Из-под вороха хвороста хлынул ядовитобурый дым, стелясь, растекаясь клубами понизу. Поняв, что сейчас им не до него, он бросил у порога дорожный мешок и втиснулся в круг хмурых, безучастных ко всему рыбаков. Пламя, облизывая сырые черные сучья, нехотя взялось.

— Сушняку... сушняку подкинь! — раздался нетерпеливый голос, и чья-то неясная фигура замаячила в клубившемся паре, за котлом.

Ловкий молодой джигит сгреб было охапку у стены, но раздраженный сосед оттолкнул его:

— Да не весь, не весь хватай... торопыга! На растопку хоть оставь...

Стало ясно, что и здесь от рыбаков отвернулась удача. Обычно, когда возвращались они с путины с богатым уловом, ни стужа, ни усталость не бывали помехой для забористой шутки и хриплого хохота. И куда как светлее становилась тогда их неказистая хибарка, куда оживленной они хлопотали над казаном, заваривая густую рыбачью уху. А у этих, видно, брови давно насуплены. Давно лежит на душе их тяжесть неудач... Да, мелеющее море что посохшее пастбище. Если оскудели выпасы — хиреет скот; если подскочит в море солёность, тогда гибнет рыба. И вот уходит она, шарахается от губительной соли заливов и мелководья, устремляясь туда, где поспреее и поглубже вода. Она уже давно стала пугливой и строптивой, точно скот в годину бескормицы. И вот в погоне за измученной, разбившейся на мелкие косяки ошалевшей рыбой эти люди все лето, не зная ни сна, ни отдыха, мытарятся вдали от родного очага, от жен и детей. Однако и здесь, на безлюдье, ни улова им опять, ни заработка. Заметно стало, как отяжелели, будто отупели, люди от невылазной, почти бессмысленной работы. Удивило и то, что даже про жен, про детей не спрашивают. Всех будто заворочил казан на треноге. Давно подбросили сушняку, и в нем уже закипала понемногу, бормоча и булькая, вода, из-под крышки залил парок, и первый сладкий запах свежей рыбы расходился по лачуге, щекоча ноздри.

Шофер, явно проголодавшийся за долгую дорогу, не выдержал первым.

— Эй, не камни ведь варите! Рыба, небось, давно уже приспела, — сказал он и вытянул шею к котлу. Черный, как головешка, старичок, распорядившийся сбоку, с поразительным проворством стукнул его половником по лбу:

— Сядь! Ишь, не терпится работничку...

Подгребая горячие угольки кочергой-косеу, председатель исподлобья покосился на старичка. Был он весьма известен прибрежным аулам. И хотя при рождении нарекли его именем Кошен, однако из-за вздорного характера еще с детства прозывали его в аулах то Зловредным Кошеником, то Неуживчивым Кошеником, а чаще — Упрямым Кошеником. Его упрямство дошло до того, что всю свою жизнь он поступал не иначе, как всем назло, наперекор всему, даже здравому смыслу, и потому злые языки всерьез утверждали, что он даже мочится-то против ветра... Упрямый Кошен и сейчас сидел, точно баксы для устрашения малышей: на плечах заскорузлый кожаный, на лоб нахлобучена лохматая баранья шапка-борик. Не мигая, в упор смотрел на огонь, иногда косился на баскарму¹, и в его

стекленевших глазах играли отблески пламени. Во всем его облике было что-то строптивое, задиристое, как у старого драчливого козла. Председатель, едва взглянув на него, отвел глаза. Он понял, что занозистому старику, неотступно и настороженно подстерегавшему сейчас каждое его движение, нужна лишь придирка, лишь зацепка... От этого стало как-то даже не по себе, и когда председатель опять потянулся кочергой к огню, рука его, видно, дрогнула, кольцо на черенке звякнуло тонко. Какая-то тягостная тишина повисла в лачуге.

— Холодноовато тут у вас. Настоящая промозглая осень... — неуверенно заговорил он, когда молчание стало уже невыносимым. Никто, однако, разговора не поддержал. Хмурые люди безучастно уставились на крутобокий котел посередине. — Верно сказано: земля разнолика, тучи обманчивы. Даже на двух берегах одного моря погода разная. В той стороне, когда мы выезжали из дому, была теплынь. Жир, пожалуй, не застынет. А здесь у вас... ну, прямо до костей пробирает.

Кошен будто ждал этого.

— В той стороне? — хмыкнул он. — Это еще в какой такой стране?!

Жестяной голос его неприятно резанул слух. Председатель осекся, невольно скосил на него взгляд и не выдержал, отвернулся. А тот уже поднял свой хлесткий голос, востыпил бородку — желчь, казалось, так и изливалась из него:

— Эй, а вы чего молчите? Чего он тут долдонит о какой-то там стороне? Нам-то разве на этой стороне от этого станет легче? Или мы сами не знаем, что на той стороне у каждого из вас... и у меня, и у тебя, и у того, и у этого... теплый очаг? Объявись мы сейчас, разве любому из нас не кинулась бы на шею голопузая малышня? Разве у каждого из нас не изболелась душа о своих сопливых малышах? И кто, скажи, за шесть собачьих месяцев не истосковался по своей бабе? Да каждому из нас любая долгополая стерва сейчас райской девой кажется! А он... Он тут нам про ту сторону расписывает!.. Да я и без тебя... сидя здесь, в этой дыре, прекрасно знаю, что там хорошо! Но что нам в том, что у вас жир не застывает?!

Опять стало тихо в лачуге. Рыбаки угрюмо молчали, уставясь на огонь, и никак нельзя было определить, то ли поддерживают они сварливого старика, то ли наплевать им уже на все. Только в казане на треноге побулькивало, да кривые сучья под таганом шипели и потрескивали. Только дым ел глаза. Боже упаси задеть сейчас злоязычного упряма, тем более возразить — несдобровать тогда, не миновать скандала... Да и он, бедолага, говорит ведь правду, сущую правду, куда от нее денешься? А то, что он язвит, что куржится — что ж, пусть... Пусть издевается, хоть душу отведет. Говорят же: в отчаянии и создателя проклинаешь...

Все молчали, и председатель со всех сторон чувствовал на себе устало-равнодушные, вопросительные взгляды. И, не зная, куда девать руки, все ковырялся кочергой под казаном, тоже молчал.

— Эй, скажите на милость... этот, что к нам, угли шуровать приехал, а? — Старик обвел взглядом угрюмых рыбаков. — Вы что, языки проглотили? Скажите ему: угли шуровать мы сами умеем! Если хочет подсобить, пусть по-другому подсобляет. Скажите: не только одежда на вас в клочья изодралась, но и душа вся сплошь в прорехах. Эй! Эй! Чего вы все нос в пах уткнули?!

Окончание. См. «Огонек» № 29.

¹ Баскарма (каз.) — председатель.

А. Шилов. ВДВОЕМ. 1981.

А. Шилов. НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР ЕВГЕНИЙ РАЙКОВ В РОЛИ НОЗДРЕВА. 1983.

Кошен умолк, но пофыркивал зло, порывисто. И только теперь председатель в первый раз за все время прямо и пристально глянул на соседа, так усердно ловившего его на каждом слове, на каждом движении. Плоскогрудый, как доска, тощий и сухой старикашка весь, казалось, пылал от гнева. Скулы обострились. Глаза остекленели. Голос срывался, звенел натянутой до предела струной. Да и во все времена так: стоит ему только разинуть рот, как трескучий, отрывистый голос начинал бить, хлестать в уши.

— Всяких начальников мы видели-перевидели. Иные приезжали — хвост торчком. Можно подумать: посланник божий явился. А проку от них ни на ржавую копейку. Но те-то хоть, как-никак, о житье-бытье нашем спрашивали, а этот...

— Чего спрашивать-то, аксакал? Сам ведь вижу.

— А-а... Видишь, значит?! Ну, слава аллаху. И на том спасибо. А то поскольку всевидящий на небе нас не замечает, то я уж подумал, что и начальство на земле поослепло. Выходит, ты еще зрячий. Сам, значит, все видишь. Ну и слава аллаху! И тебе слава! Спасибо! Спасибо!..

Что ему было сказать в ответ? Эти люди были правы, и потому он молча сносил все их в сердцах высказанные упреки. Сидел, понуро опустив голову, и если бы этому старику сейчас вдруг вздумалось вырвать из его рук кочергу и проучить, как виноватого пса, он и тогда бы, наверное, не издал ни звука.

— Жадигер... дорогой! Хорошо все-таки, что приехал...

Кто-то по-медвежьи неуклюже заворочался там, за клубящимся паром котлом. И хотя сумрачно было в дымной лачуге, но по пустому, из самого нутра идущему утробному голосу, медленно роняшему слова, по нескладному очертанию сильных покатых плеч председатель узнал его. У этого казаха были на удивление светлые глаза и рыжие волосы, и потому называли его Рыжим Иваном. Приходился он председателю вроде как дальним родственником. Как скуп на слова, сдержанно-добродушен, но если уж говорил, то всегда к стати и веско, не зря к нему так всегда прислушивались. Рыжий Иван замолчал, будто обдумывая все, что намерен сказать, и постепенно, с растяжкой продолжал:

— Сказать по правде, поклониться надо джигитам. Где-где, а в работе себя не щадят. Но что подлаешь... и тут улов нукудышный. Все без толку, и силы наши, как дым в небо, уходят, а неудачи что камень на шею. Тяжело, что и говорить. Случается, и поцапаемся тут между собою... как звери порой рычим друг на друга. Что таить, под горячую руку и тебе подчас перепадает. Хотя понимаем: ни нашей, ни твоей вины тут нет. Просто обидно бывает: вот, мол, и он про нас забыл.

— Эй! Эй! — взъярился, взвился вновь Кошен. — Эй, что ты тут мелешь, рыжий черт! Как это — «никакой вины нет»? Нас, бедолаг, выгнал на безлюдье, а сам по себе в тепле со своей бабой спит, тешится!.. О нас, бездомных и голодных, и знать ничего не желает!... Живой ты там или подох — все ему равно!.. И он же, по-твоему, не виноват?! Безгрешное дитя?! Ангелочек небесный?! Святой?! У, пустомеля!

— Дурень ты. Вся жизнь, как бешеный хорек, на всех кидаешься, за глотку хватаешь. Любого готов искушать, а толку?! Что, золотой грешок на твоей башке пророс?

— Эй, пес рыжий! Хочешь знать, и ты не больно далеко ускакал, хоть и подстилкой под начальство стелешься! И твой калган не корона украшает. А я правду кому угодно в глаза скажу. Не утаю, не побоюсь! Надо будет — в рожу плюну. Даже в ханское, в царское время ослушнику голову рубили, а язык не трогали. С какой же такой стати мне свой язык жевать, в славное-то время большайбеков! Все, что хочу, в глаза скажу своему председателю. Знай, я его выбирал. А будешь злиться, я не то что баскарме — я и начальству его скажу! И даже начальству начальства скажу! Хочешь знать, мне и министр твой не указ! И даже сам бог! И что ты мне сделаешь? Рот мне зажмешь? Глотку заткнешь?

Упрямца Кошена понесло... Дрожа от ярости, он вскочил. Но Рыжий Иван, весь по-мрачнее, набившись, дернул его за полу,

и этого было достаточно, чтобы старичок, взмахнув нелепо руками, повалился назад.

— Заткнись! Убью! — прогудел Рыжий Иван. Сказал вроде негромко, но что-то такое послышалось в его обыденном голосе, что все поверили: вывели его из этого непоколебимого вроде спокойствия, стронь с места — и убьет...

В камышитовой лачуге все явственнее ощущался холод. И хотя все сидели, нетерпеливо подавшись к самому огню, отворачивая лица от жара, со спины, от двери и трухлявых стен, пробирало по-зимнему. Председатель, избегая глядеть на притихшего, ставшего враз каким-то несчастным старика, потянулся рукой к хаоросту за спиной у соседа. Нащупал и вытащил из вороха сухой разлапистый куст, обломал с хрустом, кинул на огонь. Пламя ярко взялось, затрещало, мгновение вырвало из сумрака упрямые загорелые лица рыбаков. Только теперь он разглядел за котлом, исходящим сытным паром, своего дальнего родственника. Лицо Рыжего Ивана, обычно в светлых коноплях, столь несвойственных соплеменникам, сейчас обрело цвет медного, с глубокими тенями чекана. Брови, ресницы, борода отливали бронзой.

— Жадигер, дорогой... Ну, как там у нас? Расскажи хоть.

— Везде одно и то же. Не ладится ничего. И там нет рыбы. Люди уезжают.

— Да, понимаю... А как не уезжать? Не-ет, одним родным краем сыт не будешь...

Рыжий Иван тяжело вздохнул, неторопливо запахнул полы чапана. Спокойный вид этого крепко сложенного человека, сочувствие и раздумчивая печаль в ровном, тихом голосе на время вроде сняли, развеяли напряженную тяжесть в лачуге. И ты и все вокруг почувствовали некоторое облегчение. Ты еще мальчишкой помнишь, как он после войны, тяжело раненный и контуженный, целый год провалялся в госпитале где-то на Дальнем Востоке и вернулся в аул на костылях. Однако через неделю после возвращения с утра приковылял к тогдашнему баскарме: «Голодные детишки, будто щенята, сосущие грудь матери, душу мою вымотали, дай мне, дорогой, работенку». Баскарма определил его ночным сторожем материального склада колхоза. Но Рыжий Иван вскоре вновь пришел к баскарме: «Не по мне эта работа. Всю ночь, не смыкая глаз, сидишь, только и думаешь, изводишь душу, о том, что болит и ноет в искалеченном теле. Лучше уж потягаю, как прежде, привычные сети». Баскарма нехотя согласился, и с того дня Рыжий Иван, ковыляя на костылях, выходил вместе с рыбаками в море. В пору ледостава, когда под напором режущего ветра зябко топтались на берегу рыбаки, не зная, как ступить в студеную воду, Рыжий Иван, калачиком повиснув на своих деревяшках, преспокойно ковылял к лодке. И, добравшись к ней сзади, он через корму грудью переваливался в лодку, потом втаскивал за собою костыли и прислонял их к борту. Потом он хватался за весла. И не спеша, не суетясь, как другие, сильно и уверенно греб к сетям, расставленным далеко в море. Не спешил он и вечером, когда возвращался домой, на берег. Как всегда монотонно и заунывно скрипя одной уключиной, его плоскодонка ровно подплывала к крайним поплавкам, и Рыжий Иван все с той же сосредоточенной степенностью начинал проверять сети. А зимой, бывало, понуро дремавшая возле человека с костылями гнедуха на обратном пути обычно встряхивалась, испытывая радостное оживление и бодрость. Тут уж не приходилось подогревать ее ни плеткой, ни вожжами, смиренная по нраву животиная трусила бойчее и резвее, мерно подокивая всеми четырьмя копытами по гулкому льду. И каждый день, ко времени возвращения Рыжего Ивана, на берег выбегали такая же рыжая, сероглазая девчушка с двумя косичками и огромный мордастый черный пес. Они ждали иногда долго, не шелохнувшись; пес, дойдя до кромки льда, лежал, одним ухом прижимаясь к земле, а большеглазая девчушка стояла, глядя в даль, вслушиваясь в каждый шорох. Черный пес всегда первым улавливал знакомый звук. В те послевоенные годы один полоз широких саней, застеленных зеленым кураком, треснул, и с тех пор он при быстрой езде царяпал лед, взвизгивал. Черный пес по

визгу безошибочно узнавал этот звук, вскакивал, как подброшенный, и бросался вперед. Рыжая девочка бежала след за ним. Пес быстро исчезал в черноте зимней ночи, но снова появлялся, взлаивал, точно поторапливал запыхавшуюся свою маленькую хозяйку: «Давай... давай скорее...»

Рыжий Иван кидал псу мерзлого чебака. Потом, улыбаясь до ушей, усаживал на сани рядом с собой добежавшую дочурку. Мордастый черный пес торопливо заглатывал чебака, и, все еще не в силах унять ликующую радость, визжал, догоняя хозяина, и с ходу вскакивал в сани. Так они втроем на санях доезжали до дому. Рыжий Иван у порога стягивал с себя задубевшую на морозе тяжелую зимнюю одежду и проходил вперед устраивался у очага, прижимаясь к жарко нагретой печке. Насквозь продрогшее тело и после чая долго не согревалось. И он, весь вечер прижимая к груди рыжую дочурку с двумя торчащими на затылке косичками, приговаривал, напевая силным от простуды голосом: «Для мамы — Гульгаша, для папы — Айпатша».

Со временем Рыжий Иван оправился, бросил костыли. Еще под Сталинградом, в самый грозный час битвы он вступил в партию. После того, как стал председателем колхоза, ты первым долгом предложил Рыжего Ивана секретарем парткома. Долгие годы, считай, до недавнего времени, когда море стало усыхать, а колхоз хиреть, вы работали рука об руку, разделяя радости и горести вместе. Что и говорить-то, работалось тебе с ним легко, ибо на этого всегда спокойного и надежного человека можно было положиться во всем.

Вот и сейчас ты чувствовал его молчаливую поддержку и в душе испытывал к нему благодарность. И ты снова взял кочергу, потянулся к огню, пошуровал с краю, и тлеющие сучья радостно вспыхнули, ярко и с треском заговорили, посылая под закопченный потолок искры, и рыбаки, сидевшие у казана, невольно отшатнулись. Один лишь Кошен, упрямец, не шелохнулся. Как сидел, подставив плоскую волосатую грудь близкому огню, так и остался. Пламя метнулось к нему, лизнуло, послышался сухой треск, и явно запахло паленой шерстью.

— Брось! Брось подкладывать! Ты что, всю рыбу хочешь разварить?!

Кочерга, задев ножку тагана, выпала из рук. Только сейчас ты почувствовал, как вымотался сегодня в дороге. На плечах будто тую навьючен, опустились они, и неудержимо клонит на грудь голову.

— Ну, баскарма... скажи, сколько здесь думаешь пробыть?

— Это... вы меня спрашиваете?

— Да, тебя! Сколько здесь намерен пробыть?

Все у очага умолкли, кто в упор, а кто незаметно следя из-под наспущенных бровей за председателем, ожидая, как бы допытываясь: «Ну, что скажешь?» В тебе вдруг проснулось подозрение: ведь устами этого несносного старика они прямо в глаза высказывают тебе все свои накопившиеся обиды и недовольства... И теперь их интересует твой ответ. А что, что ты можешь им ответить?! Тебя вдруг взяла злость на этих требующих неизвестно что молчунов. Посмотрел на Рыжего Ивана, но и тот, гляди-ка, тоже молчит, глаза смиренно потупил... Точь-в-точь лукавый лис, не позволяющий себе в опасности опрометчивого шага. Даже всем своим рыжим обликом смахивает на лиса-хитрована. Ах вы, черти полосатые! Науськали, натравили вздорного старикашку, а сами затаились, притихли за казаном, выжидают, выглядывают что-то, будто в прятки играют. Так и подмывало вскочить, обmaterить всех, обрушиться... Какие-то злые слова вертелись на языке. Да пусть они хоть лопнут, треснут от злости, а ты возьмешь сейчас и положишь им все без утайки. Прямо скажешь: «Завтра же с восходом солнца уеду!» Ты дал бакизат слово не задерживаться. Слово свое сдержишь. Ты это скажешь, и пусть они тут думают что хотят, плевать. И перво-наперво скажешь этому стеклоглазому злое. Черт с ним, пусть побесится! Пусть сверлит своими дурными гляделками сколько хочет, пусть себе хмыкает, Все равно скажешь. Скажешь: «Заночую и уеду!» И ты уже собрался было это сказать... Но не понял, почему вдруг зап-

нул, остановился. Отчего — будто в дурном сне мучаясь — ты не можешь, однако, пересилить, одолеть себя, высказать, выкрикнуть, казалось бы, такие простые и убедительные слова, застрявшие комочком в горле...

— Э-э... Все ясно! Давай вытаскивай рыбу. Баскарма спешит. Недосуг ему. Пусть едет! Поужинает сначала или сразу поедет — его дело. Только не забудь передать от нас привет. Так и скажи: живы еще, не подошли. Семилетние, скажи, рыбку ищут, скажи! Так вот и передай!..

Ты рывком встал и, не глядя ни на кого, хлопнул ветхой дверью лачуги. Ночь была безлунная, черная, и едва ты шагнул раз-другой от порога, как густой мрак точно проглотил тебя, и ты застыл, ударившись коленом о холодное железо. В первые мгновения ты сгоряча даже не ощутил эту тягу ледяного ветра со вздыбленного во тьме моря. «Бог ты мой, как быть? Что делать?!» Вопрос был бессмысленный, ибо в глубине души ты прекрасно сознавал, как быть, и, спрашивая, уже знал, что делать. Ты в то мгновение не знал лишь одного: что тебя ожидает потом дома; и, представляя это, бессильно приник лбом к машине, на которую наткнулся при выходе из лачуги, остужая, пытаясь взять в руки себя... Ладно! Черт с ним, с этим врединою Кошеном. Что с него взять! В гневе, под горячую руку он еще и побольнее может ужалить. Ну, а другие что? С ними что случилось? Отчего они при виде тебя все съезжились, точно паленные шкурки? Можно допустить, что ты провинился перед создателем, но перед рыбаками вроде не виновен ни на волосок. Разве не ради них огорчил жену — ту, которой в жизни никогда и ни в чем перечить не смел?

Ты оторвал голову от машины. Нерешительно сделал шаг, остановился, постоял, потом пошел к ревушему в ночи морю. На душе были сумятица, муть. Больше всех ты винил самого себя. Ну, скажи на милость, какого дьявола притащился сюда? Чего вообще достиг в этой жизни, пытаешься для таких же невезучих, как и ты сам, раздобыть неведомые блага, как ни странно, не там, не в этой потом пропитанной земле, а в пучине синего моря? И теперь ради чего терзаешься? Дома не угодил жене. Здесь — рыбакам. Добро бы ладил с начальством. Так нет же... Стоит только показаться в районе, как всякий мало-мальски дослужившийся до портфеля перед тобой морду дерет. На собраниях, как будто во всем районе ты один не выполняешь план добычи рыбы, все на тебя накидываются. В последнее время лишился покоя, нарушил сон. Промелькнет ли вдали машина, прогрехочет ли в небе самолет, ты вздрагиваешь. Тебе чудится, что опять

едет какой-нибудь уполномоченный пыль из тебя выколачивать. И ночью, во сне, какие-то тревожные думы мутят душу, едва коснешься головой подушки и закроешь глаза, и непременно видишь себя затравленного, обливающегося липким потом, чаще всего случается это в клубе «Маяк» на совещании районного актива. И еще снится, будто ты, теряя силы, с трудом поднимаешься по ступенькам на второй этаж того здания в центре районной площади, где разместился Аралгосрыбтрест. И всякий раз застреваешь на полпути, на той лестнице, ведущей в никуда... И, что странно, сколько бы ты потом ни вспоминал свой сон, никогда не мог восстановить вторую половину пути: как ты, волоча ноги, несмело направлялся под насмешливым взглядом секретарши в приемной к двери кабинета начальника... В догадках ты ломал себе голову: может, хозяин кабинета хотя бы во сне смягчился, был приветлив с тобой? Или, как наяву, и во сне оставался непреклонным своим брюзгливо-насулленным лицом, будто не замечая твоего появления, сидел, уткнув нос в бумаги? Нет, здесь в твоей памяти был какой-то темный, поглощающий все и вся провал. Помнился лишь просторный, хоть устраивай конные скачки, кабинет. И еще ты, как наяву, и во сне видел большую карту Аральского моря тех добрых старых времен, когда оно от наплыва весенних паводков вздувалось, выходило из своих берегов, грозно ворочалось под самым боком города, а белопенные волны, бывало, выплескивались за каменную дамбу, чуть ли не набегая к порогам прибрежных домишек. И эта памятная карта и во сне висела на стене меж двух окон. Карту видел ты, едва войдя в кабинет. А хозяина кабинета видел потом, и то, когда оказывался вдруг у самого стола. Он со своим давно уже наметившимся, мягким, ягнячьим брюшком, с серым, ко всему безучастным лицом сидел отрешенно, и нельзя было определить, дремлет ли он или бодрствует. И во сне, как и наяву, он не сразу поднимал голову, как бы с усилием размыкал припухшие веки, тупо направляя на тебя клейкий какой-то взор, и неизменно вопрошал: «Рыба... Где рыба?» Мало того, что раскаленное аральское солнце сквозь стекла нещадно припекало. Еще и этот клейкоглазый, не обращающий внимания на все твои доводы и оправдания, все гнул свое: «Ну, а рыба? Где рыба?» Получалось, будто тупым пестом долбил тебя в темноту. И от песты этого голова начинала пухнуть, полниться гулом. Не зная, как избавиться от липкого взгляда, ты поневоле ерзая на стуле, озирался по сторонам и обливаясь черным потом. А клейкий взор все не отпускает, шу-

пает, обволакивает тебя. И уже сам воздух кабинета становится подобен расплавленному свинцу. Бессилие одолевает тебя еще и потому, что чувствуешь невозможность сколько-нибудь доказать, объяснить этому клейкоглазому, куда подевалась рыба с тех пор, как море начало усыхать... И ты, все пытаешься что-то сказать, кричишь, рвешься из чьих-то властных, неумолимых рук и, каждый раз задышавшись, со стоном просыпаешься все в том же бессилии и ужасе, что не только один клейкоглазый, но и другие не поймут тебя. Да, странной, зловещей даже стала в последнее время твоя жизнь, с тех пор, как явь превратилась в дурной сон, а сам твой сон — в невесомую явь.

Куда и как только не заводил тебя твой собачий характер!.. Будь на твоём месте кто-нибудь другой, побойчее, он в лучшем случае заночевал бы у рыбаков, поговорили бы, посмотрел бы на их житье-бытье, а с рассветом укатил бы восвояси... И если бы ты сдержал свои слова и в обещанный час, возбужденный, радостный, появился бы домой... О да, вот тогда бы, может быть, и забыла бы твоя женушка все... и даже, пожалуй, приветливо вышла бы навстречу. Но ты-то забыл свои обещания... Впрочем, нет, не забыл, ни на одно мгновение не забыл... Какое уж тут «забыл», если здесь, в лачуге, среди рыбаков неотступно стояла она перед твоими глазами — вся холодная, неуступчивая, отвернувшись от тебя, поджав пухлые капризные губы. И еще ты будто со стороны видел себя: растерянно застывшего с раскрытым ртом после того, как она решительно, точно пощечину заката, выпалила: «Не поедешь!» — и вышла вон из комнаты. И каждый раз, до подробностей вспоминая все это, ты убеждал себя: да, надо возвращаться... Надо, если даже окончательно уронишь себя этим в глазах мрачно насулленных рыбаков. И пусть тогда презирают, сколько им угодно. Пусть сколько угодно изощряется в своих издевках злой, как затравленный хорек, старикашка Кошен. И велик был соблазн махнуть на все и всех рукой и немедленно укатить назад, в аул. Раз нет рыбы, то что может сделать он? В воду, что ли, за ней нырять? Коли решился, так не мешкай, уезжай! И уже сознавая в глубине души, что никуда отсюда не уедешь, ты все ярл себя, подхлестывал, желая хотя бы этой бессильной явью отыграться... И на следующий день, наутро уже, все еще продолжал испытывать терпение угрюмых, настороженно молчавших в ожидании твоего решения рыбаков; а потом как-то само собой, между делом, вырвалось у тебя, буркнул грубоватым от недовольства собой голосом:

Крейсер «Минин».

ЗАГАДКА ФОТОГРАФИИ

С фотографии смотрит юный морской офицер, почти мальчик. Внизу снимка неожиданная надпись рукой А. П. Чехова: «Лиде от Пети». Фотография приложена к письму, в котором «Петя» просит «Лиду» не забывать его и многозначительно советует ей почитать «прелестные» рассказы Чехова. Все это — и письмо и фотография — веселая шутка Антона Павловича вполне в духе сложившихся у него с «Лидой» — Лией Мизиновой отношений.

Но кто этот «неизвестный человек» из чеховской шутки? Мария Павловна Чехова, публикуя письмо, снабдила его следующим примечанием: «При этом шуточном письме приложена фотографическая карточка какого-то молодого человека с надписью: «Лиде от Пети». Был ли Антон Павлович знаком с «Петей»? Как попала к нему фотография молодого моряка?

Предположение о том, кто изображен на фотографии, возникло в результате чтения стертых надписей, обнаруженных на обратной стороне снимка. Надпись была восстановлена группой сотрудников ВНИИ МВД СССР — кандидатом юридических наук С. М. Сурковым, младшим научным сотрудником Г. Н. Меженцевым и инспектором-криминалогом Т. И. Захаровой. Текст надписи гласил: «Из письма Чехова к Лие Мизиновой... Из Богимова...» Эту надпись скорее всего сделала Мария Павловна Чехова, готовя и издав письмо брата. По ее указанию шуточное письмо с вложенной фотографией было датировано июнем — июлем 1891 года, а местом написания названо имение Богимово Тарусского уезда Калужской губернии, где летом жил А. П. Чехов.

Но кто же из офицеров русского флота изображен на фотографии? Ключом к разгадке оказалось письмо, хранящееся в отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. В этом письме, написанном на бланке петербургской газеты «Новое время» 17 января 1891 года, некая

С. Гертнер просит А. П. Чехова похлопотать за своего племянника. «Пользуясь Вашей любезностью, — пишет она в начале письма, — спешу Вам послать желаемые сведения о моем племяннике, ценз которого по возвращении из плавания на фрегате «Минин» еще далеко не выполнен». Кончается письмо выражением благодарности за «добрые, любезные хлопоты о бедном мичмане, который за смертью отца никого не имеет, кто бы о нем похлопотал».

Удалось выяснить, что автором письма была Софья Карловна Гертнер, сотрудница газеты «Новое время». Совершенно естественно предположить, что и сведения о своем племяннике она приложила его небольшую фотографию. Сами сведения не были включены в текст письма, а даны отдельно. По-видимому, А. П. Чехов передал их по назначению, а фотография мичмана за ненадобностью при хлопотах осталась у него. И поскольку фотография была дана Антона Павловича случайной, он использовал ее для «мичманской» шутки.

Но о каком же мичмане идет речь в письме А. П. Чехову? Работая с документами Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР, удалось установить, что броненосный фрегат Балтийского флота «Минин» в 1890 году был в заграничном плавании. В нем участвовали три мичмана, но только один из них мог быть тем самым «бедным мичманом», за которого просила похлопотать его петербургская тетушка. Им оказался Николай Николаевич Азарьев.

После службы на «Минине» мичман Азарьев служил в морской охране, практически не имея шансов выполнить плавательный ценз, необходимый для дальнейшего производства. Так что хлопоты С. К. Гертнер были небезосновательными. Обещание, данное ей, А. П. Чехов скорее всего выполнил. Во всяком случае, в мае 1892 года мичман Азарьев переводится в Сибирский флотский экипаж, где принимает участие в гидрографических работах на Тихом океане. Именем Азарьева названы два мыса в Японском море.

В начале русско-японской войны лейтенант Азарьев находился в Порт-Артуре, будучи старшим флаг-офицером штаба командующего флотом. После гибели вице-адмирала С. О. Макарова Н. Н. Азарьев становится флагманским штурманом 1-й Тихоокеанской эскадры в штабе контр-адмирала В. К. Виттефта. За участие в боевых действиях против японского флота Н. Н. Азарьев был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Лейтенант Азарьев погиб на броненосце «Цесаревич» при прорыве русской эскадры из Порт-Артура во Владивосток 28 июля 1904 года вместе с адмиралом Виттефтом и мичманом Эллисом. Их гибель описана в романе А. Степанова «Порт-Артур».

По странному совпадению и автор шуточного письма и его «герой» ушли из жизни в июле 1904 года, находясь вдали от России. Иллюстрированное приложение к «Новому времени» за 7(20) июля открылось большой фотографией скончавшегося в Баденвейлере А. П. Чехова, а через месяц, 7(20) августа, там же была помещена фотография погибшего в Японском море Н. Н. Азарьева. Это изображение сравнила с фотографией из чеховского письма группа экспертов из ВНИИ МВД СССР во главе с доктором юридических наук, профессором В. А. Снетковым. Экспертиза выявила целый ряд совпадающих черт лица изображенных офицеров и подтвердила сходство мичмана «Пети» и Н. Н. Азарьева.

Так разрешилась загадка фотографии из чеховского письма Лие Мизиновой, с которой на нас смотрит офицер русского флота Николай Николаевич Азарьев, чье имя увековечено на карте Мирового океана, один из героев русско-японской войны, до конца оставшийся верным воинскому долгу.

В. ТЮРИН

— Бог даст, все вместе и вернемся домой...

И хмуры мгновенно растаяли на их лицах. Даже злобный старикашка, не прощавший обычно никому ни единой промашки, вдруг подобрел. Даже резкий, как у чайки, пронзительный голос его обрел непривычные для всех благодушные нотки. И глазки, в упор следившие за всем и каждым, будто отягчели.

И так проходил день за днем. Неделя за неделей. Осень понемногу уступала место суровому предзимью. Хлынул холодный ноябрьский ливень, исхлестал, напилал иссохшую с весны землю, и сырая, ни прогнать, ни выгнать, стын надолго поселилась в их камышитовой лачуге. Потом ударил один морозец, за ним другой, укрепил расползавшиеся было под дождями берега, застеклил оставшиеся кое-где озера. Сковалось, попряталось все, и только море ревело неистово, ворочалось, ворчало ветрами. Но привычные ко всему рыбаки не обращали на это внимания. Промозглый ветер гулял в тухлявой хижине, под утро от дыхания полнотора десятков людей инеем брались стены, а они просыпались, вставали чуть свет. Вылезая из-под одеяла, ежились в ознобе, крихтели, поспешно натягивали одежду, худо ли, бедно, а просохшую у очага. На ходу заморив червячка холодной рыбой, оставшейся с ужина, хватили под мышку весла и шест и гуськом спешили к морю, гулко топоча по смерзшейся до звона земле. У берега сталкивали в воду лодки, привычно вскакивали в них и, яростно, до хруста в теле загребая против крутых волн, направлялись туда, где по зыбкому их расчету или по древним приметам должен был пройти косяк рыбы, ставили сети. И так изо дня в день. Порой сети, поставленные накануне, сильным течением скручивало в веревки. В них безнадежно запутывались иногда коряги и водоросли, набивался донный ил, и тогда рыбаки, надрываясь, с великой мукой вытаскивали сети-невода на берег и потом, насквозь промокшие, весь день распутывали их на ветру. Вконец измученные, озябшие и голодные, тащились они вечером в остывшую за день лачугу. Заметно было, как исхудали все, особенно за последнее время. На нескончаемом ветру и морозе лица задубели, потрескались, покрылись черными, засохшими струпами. Пальцы распухли, день ото дня становились непослушнее. Натруженные руки казались лопатами, от весел и рыбацкой бечевы выросли на них, затвердели панцирные мозоли. И надо было только поражаться, как этими неуклюжими, точно совковые лопаты, заскорузлыми руками можно было еще что-то держать.

Фотография «неизвестного человека» с надписью А. П. Чехова.

НЕТ, ИГРЫ НЕ УМРУТ!

О проблемах современного олимпийского движения, о будущем Игр — самых представительных состязаний нашего времени — беседует с олимпийским чемпионом, членом Президиума НОК СССР, заместителем председателя Спорткомитета СССР А. И. КОЛЕСОВЫМ журналист А. КОЛОДНЫЙ.

— Анатолий Иванович, сначала вопрос к вам как к спортсмену, обладающему самым высоким и почетным титулом. Чем для вас являются Олимпийские игры, что они значат сегодня в жизни людей?

— Для меня, очевидно, как и для каждого человека, который посвятил часть своей жизни, своей деятельности спорту, Олимпийские игры являются вершиной, которую любой атлет всегда стремится покорить. Мечта каждого спортсмена — завоевать олимпийскую медаль. Это все равно, что для космонавта полет в космос. Но вместе с тем теперь, когда мы можем сравнить Московскую Олимпиаду с Токийской, на которой мне удалось стать олимпийским чемпионом, или с Олимпиадами в Мюнхене, в Монреале и, наконец, в Лос-Анджелесе, начинаешь понимать, что нельзя к ним подходить только с позиции награды. Главное в этих ярких встречах молодежи — идеалы дружбы, мира, взаимопонимания, сотрудничества между странами. И когда идеалы олимпизма нарушаются дельцами от спорта и политиками, мы должны встать на защиту этих благородных принципов. Необходимость этого подтверждается событиями, связанны-

ми с нынешней Олимпиадой в Лос-Анджелесе.

На протяжении всех этапов организации этих Игр, особенно с приближением их начала, все яснее проявлялась неблагоприятная позиция администрации Рейгана, которая грубо вмешивалась в ход подготовки, в деле Оргкомитета. Тут хотелось бы обратить внимание на следующие моменты. Сначала была поставлена задача во что бы то ни стало выиграть Олимпийские игры у русских. Но эксперты, проведя расчеты, пришли к выводу, что выиграть нормальным, честным путем невозможно. Тогда американские политики предприняли попытку изменить Олимпийскую хартию в той части, которая касается приглашения судей. Было заявлено, что приглашать судей не будут, поскольку обойдутся своими. Потребовалось вмешательство Международного олимпийского комитета. И впервые за всю историю Олимпиад работу арбитров на состязаниях оплачивает МОК.

Есть основания полагать, что какие-то надежды организаторы связывали и с применением допинг-контроля в свою пользу. Однако и тут были предприняты определенные усилия, в том числе со сторо-

ны медицинской комиссии МОК, и в результате было укреплено интернациональное звено контроля за работой допинговой лаборатории.

Факты свидетельствуют, что в Лос-Анджелесе все делалось для того, чтобы оказать на наших спортсменов психологическое давление, поставить их в такие условия, при которых они не могли бы показывать свои лучшие результаты. В преддверии Игр резко активизировали свою деятельность разного рода антисоветские организации, объединившиеся вокруг одной цели — не допустить нашу команду в Лос-Анджелес. Они угрожали физической расправой, если советские спортсмены приедут на Олимпиаду.

Чем меньше оставалось времени до Олимпиады, тем больше нарастала тревога за судьбу наших спортсменов. В этой ситуации самыми правомерными были шаги, предпринятые НОК СССР, Национальными олимпийскими комитетами других стран. И по вине реакционных кругов США сильные спортсмены из многих стран в нынешней Олимпиаде участвовать не смогли.

— Вот уже тридцать три года СССР принимает участие в олимпийском движении. Каков наш вклад в это яркое явление современной жизни?

— Мы стартовали в Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки. Уже тогда команда-дубютант добилась выдающихся успехов, положив конец безраздельному лидерству американских спортсменов.

История последующих Игр свидетельствует о том, что наш спорт неизменно добивался самых высоких результатов. К примеру, на Олимпиаде в Монреале в активе советской сборной оказалось 49 золотых медалей, а у американской — только 34. Но это чисто спортивная сторона вопроса. Есть еще одна, не менее важная. За прошедшие годы наши представители в Международном олимпийском комитете, в международном олимпийском движении внесли ряд предложений, направленных на демократизацию этого движения, на его распространение во всех регионах мира. Это были разносторонние, крупномасштабные акции, направленные против сторонников «холодной войны», против расистов и их защитников. Советские представители выступили инициаторами программы «Олимпийская солидарность», цель которой — всесторонняя помощь в становлении спорта и физической культуры в развивающихся странах.

Нельзя не вспомнить и Московскую Олимпиаду. Несмотря на бойкот, предпринятый администрацией США, она стала праздником для спортсменов большинства стран мира и, что самое главное, укрепила ряды олимпийцев, не допустила раскола олимпийского движения.

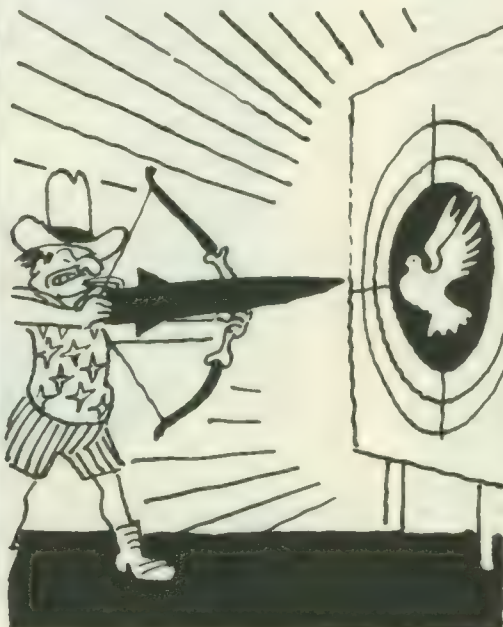
— Но сегодня, как известно, не самое лучшее время в истории олимпийского движения. Назовите основные причины этой ситуации.

— Думается, в современном

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Эмблема Олимпиады (по-пентагоновски).

Стрельба в цель (мирную).

Метание (военных объектов в космос).

международном спортивном движении, приобретающем все большее значение, необходимо прежде всего упорядочить систему и структуру руководящих органов. Ведь в конце концов избрание Лос-Анджелеса городом Олимпиады явилось следствием того, что этот вопрос решался только Международным олимпийским комитетом. При этом МОК в должной мере не советовался ни с Ассоциацией национальных олимпийских комитетов, не принял во внимание точку зрения многих международных федераций, которые считали, что Лос-Анджелес — отнюдь не лучшее место для проведения соревнований по многим видам спорта. Кстати, Лос-Анджелес уже не раз отклонялся как место проведения олимпийских состязаний.

Такой недостаточный учет мнения всех организаций, участвующих в олимпийском движении, в нынешних условиях недопустим. Тем более, что национальные олимпийские комитеты, международные федерации призваны на практике проводить в жизнь благородные принципы олимпизма.

Ну, и конечно же, неблагоприятно отражается на Олимпийских играх проникновение в спорт бизнеса, профессионализация самого спорта, нарушение организаторами соревнований правил честной борьбы, Олимпийской хартии, просто правил соревнований. Во главу угла ставится бизнес, коммерция. Убедительный тому пример — Лос-Анджелес с тремя олимпийскими деревнями, которые представляют из себя плохо приспособленные для жизни атлетов университетские общежития, с высочайшими ценами в отелях, ресторанах, магазинах, на автостоянках и т. д. Разве не характерно, что сами американские спортсмены отказываются жить в этих общежитиях?

Спортсмены должны будут соревноваться в условиях, противоречащих правилам соревнований. Так, например, на озере Каситас нет места для тренировок, а чтобы не опоздать к старту, гребцам придется вставать ночью, полтора часа проводить в автобусе и борьбу начинать непривычно рано — в 7 часов утра, в другое время суток вода озера не бывает спокойной.

Что построено в Лос-Анджелесе к этой Олимпиаде? Сооружен велотрек, да и то не лучшего качества. Я его видел в прошлом году, он был весь в трещинах и выбоинах. Присовокупите к этому неизбежные пробки на шоссе, губительный для спортсменов смог и атмосферу вражды, царящей в городе, и вы поймете, какое испытание придется выдержать участникам Олимпиады.

— Да, у Олимпийских игр есть не только друзья, но и враги. И прямо скажем, спортивный мир обеспокоен сложившейся обстановкой, действиями реакционных кругов, направленными фактически на подрыв олимпийского движения. Что, на ваш взгляд, необходимо для защиты Олимпийских игр?

— Международному олимпийскому комитету нужно более тщательно учитывать мнения других спортивных международных организаций, МОК должен занимать непреклонную позицию в отношении тех, кто нарушает правила Олимпийской хартии. Эти правила едины для всех, и соблюдать их нужно во всей полноте. Необходимо совершенствование положений Олимпийской хартии: ее правила должны больше соответствовать требованиям современной жизни, и, наконец, убежден, что Национальным олимпийским комитетам должны быть предоставлены более широкие права и полномочия. В конце концов именно НОКи в первую очередь представляют интересы спортсменов. А сейчас нередко с мнением Национальных олимпийских комитетов считаются недостаточно полно.

Учесть все это особенно важно теперь, когда имеются попытки расшатать, а то и просто развалить олимпийское движение. Примеров тому более чем достаточно, и я думаю, что в ближайшее время это станет предметом серьезного разговора и на сессиях МОК и на Конгрессе, который состоится в 1985 году в Берлине.

— Один из недавних номеров журнала «Ньюсуик» вышел с обложкой, посвященной будущему олимпийского движения. На ней значился вопрос: «Умрут ли Игры?» Проблема эта, как известно, сейчас довольно активно обсуждается, выдвигаются различного рода проекты по части совершенствования и организации Игр, олим-

пийского движения. Что вы могли бы сказать по этому поводу?

— Вопрос, вынесенный на обложку американского журнала, носит, безусловно, спекулятивный характер. Но это в духе западной прессы. Я же убежден: Игры никогда не умрут! Порукой тому — человеческий разум. Другое дело — надо решать назревшие проблемы. В поисках выхода рождаются самые разные проекты. Например, греческие организации предлагают проводить Олимпиады только на их земле. Другие считают, что необходимо проводить Олимпийские игры сразу в нескольких городах разных континентов. Все эти предложения, безусловно, требуют тщательного и глубокого анализа, но мне думается, что проведение Игр в различных районах мира, в разных странах соответствует идее Олимпийских игр, которые должны способствовать развитию олимпийских видов спорта во всех регионах и странах.

Мы видим в олимпийском движении фактор международного общения, влияющий на различные процессы в мире. Оно могло бы еще более действенно служить идеям укрепления взаимопонимания, взаимодействия, налаживания связей и контактов. И есть силы, которые сделают все возможное для ограждения олимпийского движения от атак его врагов, найдут правильный подход к проведению и организации Игр. Мне кажется, что в этом отношении Олимпиада в Лос-Анджелесе открывает глаза многим, в том числе и тем, кто спокойнее, чем надо, взирал на использование истинных ценностей олимпийского движения в корыстных целях. Я убежден, что здравые силы возьмут верх. Вот почему НОК СССР еще раз подчеркнул, что мы готовы и впредь сотрудничать со всеми международными спортивными организациями во имя сохранения Олимпийских игр.

— Но давайте, Анатолий Иванович, вернемся к событиям нынешнего лета. Мы знаем, календарь насыщен различными состязаниями. Как проходит сезон для спортсменов социалистических стран?

— Тысячи атлетов готовились к крупнейшим состязаниям четырех-

летия, планировали достижения пика формы именно на лето 1984 года. Среди них немало чемпионов мира, Европы, предыдущих Игр, готовых показать сейчас самые высокие результаты. Необходимо было дать выход накопленным силам, удовлетворить ожидания многомиллионных любителей спорта, поэтому было принято решение о проведении соревнований «Дружба-84».

Хочу сразу подчеркнуть, что эти состязания не имеют целью стать альтернативными Олимпиаде в Лос-Анджелесе. Об этом свидетельствуют прежде всего сроки их проведения: они состоятся до и в основном после олимпийских турниров в Лос-Анджелесе. В этих стартах, которые пройдут в Советском Союзе, Польше, Болгарии, ГДР, Венгрии, Кубе, Чехословакии, Корейской Народно-Демократической Республике и Монголии по всем олимпийским видам спорта, а также теннису, настольному теннису и самбо, выступят спортсмены из социалистических государств и гости из других стран. Уровень соперничества, уверен, будет высоким. В состязаниях примут участие более половины чемпионов мира прошлых лет, а в таких видах спорта, как тяжелая атлетика, подавляющее большинство.

В Советском Союзе состоятся турниры, которые пройдут на лучших аренах Москвы и Таллина. Мы увидим старты легкоатлетов, велосипедистов, пловцов, гребцов, баскетболистов, команд по хоккею на траве, мастеров пулевой и стендовой стрельбы. В Таллинском заливе в гонках будут участвовать яхты классов «Солинг», «Звездный», «Летучий голландец», «Торнада» и «Виндглайдер».

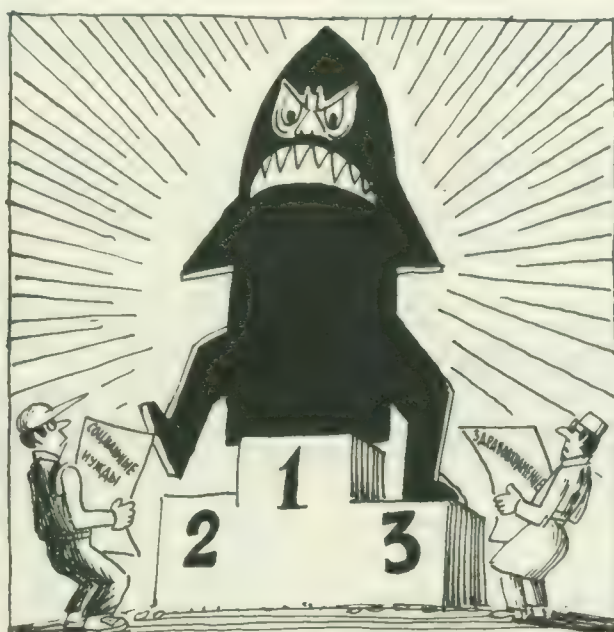
Все соревнования «Дружба-84» будут проведены в соответствии с правилами и традициями олимпийского движения, по регламентам Олимпийских игр и чемпионатов мира. Убежден, что эти старты послужат дальнейшему укреплению олимпийского движения, всего международного спорта, а участники соревнований увезут не только памятные медали, которые будут вручены каждому, но и веру в то, что Олимпиады никогда не умрут.

Упражнение на коне (химического оружия).

Прыжки в воду (западноевропейцев).

Непревзойденный рекордсмен.

В. Третьяк.

Р. Дасаев.

Фото А. БОЧНИНА.

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ ВРАТАРЯ

Владислав Третьяк и Ринат Дасаев, два наших выдающихся вратаря, обмениваются мыслями о мастерстве стража ворот, о том, что делает их игру столь впечатляющей и искусной и в хоккее и в футболе. Их беседу записал журналист Леонид Трахтенберг.

ДАСАЕВ. С чувством сожаления узнал, что ты, Владислав, освобождаешь свое место в воротах. «Неужели больше не увижу Третьяка в игре?» — подумал я и еще подумал, что когда-нибудь придет и мой финиш. Ну что ж, тем более нужен наш разговор о трудном счастье вратаря. Ведь оно, в общем, одно и то же, это счастье — и в футболе и в хоккее.

ТРЕТЬЯК. Спасибо, Ринат, на добром слове. А знаешь, я ведь тоже был футбольным вратарем. Четыре года играл за сборную пионерского лагеря. Но в ту пору я уже занимался в хоккейной школе ЦСКА.

ДАСАЕВ. Теперь ясно: ты правильно сделал, что избрал хоккей. Но мне кажется, что с твоими данными из тебя бы и футбольный вратарь получился.

ТРЕТЬЯК. В наши дни такое «совместительство» невозможно.

ДАСАЕВ. Конечно.

ТРЕТЬЯК. А ты не пробовал постоять в хоккейных воротах?

ДАСАЕВ. Не приходилось, но я готов.

ТРЕТЬЯК. Хочу предупредить заранее: мы будем играть не по футбольным, а по жестким хоккейным правилам. Причем у нас никто не просит сочувствия у

судьи, не выпрашивает у него штрафного или пенальти.

ДАСАЕВ. Это, по-моему, уже камешек в наш футбольный огород.

ТРЕТЬЯК. Если моя реплика и камешек, то он нацелен не в тебя. Футбольные вратари редко ищут сочувствия у судей, а шишки на них сыплются как на вратарей хоккейных.

ДАСАЕВ. Что верно, то верно, стоять в футбольных воротах так же трудно, как и в хоккейных.

ТРЕТЬЯК. И психологическая нагрузка у нас одинаковая, ведь мы последний заслон. За нашей спиной сетка ворот.

ДАСАЕВ. Да, у нас много общего. И все же, Владислав, недаром говорят, что в хоккее вратарь — половина команды. Про футбольного вратаря так не скажешь. У вас действительно бывают матчи, выигранные вратарем, и я тебе в какой-то степени завидую. Хоккейный вратарь гораздо чаще, чем футбольный, вступает в игру. А над нами, стражами ворот футбольных, висит опасность застыть, заскучать, оказаться в стороне от главных событий. Это большое искусство — быть все время в игре. В прошлом году, во втором круге, моя команда «Спартак» разыгралась, много атаковала, и меня ребята, что называется, оставили без работы. Признаюсь честно, чувствовал я себя не в своей тарелке.

ТРЕТЬЯК. Ах, эта «своя тарелка», как легко из нее вылететь! Ведь от вратаря, от его выдержки

и мастерства многое зависит. Считается, что высококлассный голкипер не имеет права ошибаться. Я не разделяю этой точки зрения. Нет, не было на свете «безгрешных» вратарей ни в хоккее, ни в футболе. В нашем деле всякое может случиться. Но главное — после пропущенного гола не выйти из равновесия, не стушеваться. Необходимо всем своим видом и игрой доказать, что это первая и последняя ошибка в матче, что ты готов в самый трудный момент выручить команду, как много раз выручал ее прежде.

ДАСАЕВ. Даже если вратарь сыграл непростительно плохо, не понимаю игроков, которые позволяют себе кричать на него, демонстративно высказывать свое недовольство его действиями. Он, как никто другой, нуждается в добром слове, в поддержке.

В самом начале матча на Кубок УЕФА осенью прошлого года с «Астон Виллой» мяч оказался в моих воротах. Представляешь, что я пережил в эти минуты? Но никто не бросил в мой адрес даже слова упрека. И я сумел взять себя в руки, успокоился и в нескольких жарких ситуациях у ворот действовал удачно. А ребята сыграли настолько здорово, что первый гол повлиял лишь на счет, а не на исход поединка. Федор Черенков забил два прекрасных мяча, и мы победили. Такие матчи остаются в нашей вратарской памяти надолго. Если не навсегда.

ТРЕТЬЯК. Я видел эту игру по телевизору. Болел за тебя и за весь «Спартак». Мне казалось, что я вместе с тобой стою в воротах, бросаюсь за мячом, отражая атаки опасных форвардов. В общем, тяжело тебе было в Бирмингеме.

ДАСАЕВ. А сколько раз тебе бывало нелегко, но ты счастливчик, прошел свой долгий путь в общем-то если не целым, то невредимым.

ТРЕТЬЯК. Да, мне пришлось испытать опасные броски сильнейших канадских, шведских и чехословацких игроков. А броски своих ребят на тренировках, думаешь, выдержать легко? Например, Анатолий Фирсов, Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов разве в чем-нибудь уступали знаменитым канадцам? Так что нелегко мне было отражать удары не только чужих, но и своих. Но от этого никуда не уйдешь: не знаю, выдержал бы я поединки со звездами НХЛ, если бы мне не пришлось на протяжении многих лет тренироваться вместе с моими товарищами по армейской команде и по сборной.

Ринат, а кто из нападающих наших клубов доставляет тебе больше всего хлопот?

ДАСАЕВ. Пожалуй, в каждой команде есть игроки, нацеленные на гол. Причем это обязательно форварды. В современном футболе можно ждать неприятностей и от игроков средней линии и от защитников.

ТРЕТЬЯК. И все же...

ДАСАЕВ. По-прежнему стремителен и опасен Блохин. Удивительным чутьем на гол обладает Шенгелия. У капитана ереванского «Арабата» Оганесяна хорошо поставлен удар с дальней и средней дистанций. Непредсказуем в своих действиях в штрафной площади Газзаев. С жадной гола выходит на каждый матч Якубик. Я назвал имена опытных мастеров. Но есть в нашем футболе и молодые ребята, способные завершить усилия партнеров метким ударом. Среди них я приметил Протасова из «Днепра». Со временем из него может получиться настоящий бомбардир, гроза вратарей и защитников.

ТРЕТЬЯК. В этом учете хоккейный вратарь похож на футбольного. Он так же, как и его близкий родственник, должен досконально изучить характер, повадки, возможности всех главных своих «оппонентов». Так же, как и футбольный вратарь, он не имеет права расслабиться даже на миг. Полевые игроки в хоккее, как известно, постоянно меняются, а вратарь обычно находится на посту до конца игры. Чтобы выдержать нервную нагрузку, я готовился к любому матчу, как к самому главному, и все начиналось для меня с утренней раскатки. Встанешь в ворота на несколько минут, отразишь три-четыре шайбы — значит, все в порядке... А за два часа до игры я обычно уходил в себя, сосредоточивался. И на лед шел молча, не смотря по сторонам. Иной раз знакомые обижались: мол, прошел мимо и не поздоровался. Но в тот момент я никого не видел.

ДАСАЕВ. Владислав, а ты помнишь свой первый матч за ЦСКА?

ТРЕТЬЯК. И помню и не помню. Все было как во сне. И разминка и сама игра. Кстати, нашим соперником был тогда «Спартак». Мы выиграли со счетом 7:3. В тот вечер шестьдесят минут чистого хоккейного времени протекли, как одна минута. Когда мы пришли в раздевалку, то каждый из наших игроков похлопал меня клюшкой по щиком. А это для нас, хоккейных вратарей, — высшая похвала.

ДАСАЕВ. Я тоже надолго запомнил свой первый матч в «Спартак». Было это шесть лет назад. Мы играли с ворошиловградской «Зарей». Утром на зарядке подошел ко мне Константин Иванович Бесков, положил руку на плечо и сказал: «Ну, Ринат, готовься, сегодня будешь играть».

Я ужасно волновался, но ворота в своем первом матче сохранил в неприкосновенности. Сказали бы мне мои друзья по детским играм, что я стану вратарем, никогда не поверил бы. Ведь я больше всего на свете любил забивать голы и поэтому играл всегда в нападениях.

ТРЕТЬЯК. И я в дворовых хоккейных баталиях всегда играл в нападениях. И в хоккейной школе ЦСКА на отборе тренерам понравилось мое катание: во всяком случае, я оказался среди четырех (из ста желающих) счастливых, принятых в школу. Через месяц я получил форму, о которой мечтал. Только не полевого игрока, а вратаря.

ДАСАЕВ. А почему ее дали именно тебе?

ТРЕТЬЯК. Это до сих пор остается для меня загадкой.

ДАСАЕВ. Да, многое в нашей жизни зависит от случайности. Но еще больше от нас самих.

ТРЕТЬЯК. Один может перетерпеть боль и ради команды, ради победы, ради общего дела сам придет к тренеру и скажет: «Хочу играть». Другой всем своим нислым видом будет показывать, что играть сегодня не в состоянии. На таких рассчитывать нельзя, они в трудную минуту могут и подвести. Положиться можно на таких, как Сергей Макаров. Он на чемпионате мира повредил плечо и не ушел со льда. И играл так, что никому из зрителей и в голову не могло прийти, что он играет с тяжелой травмой. На таких бойцах и держится наша хоккейная сборная.

ДАСАЕВ. Когда я смотрю хоккей, то всегда восхищаюсь мужеством наших ребят. Правда, смотреть приходится в основном по телевизору. Последний раз был в Лужниках минувшей зимой на матче ЦСКА — «Спартак». Кстати, удивился тому, что во Дворце спорта были свободные места. Такой матч, а зрителей куда меньше обычного. Это, наверное, оттого, что ЦСКА уже лидировал с большим отрывом и никто не сомневался, что мы снова будем чемпионами?

ТРЕТЬЯК. Может быть, но разве мы виноваты, что почти все время выигрываем? Нам самим интереснее, когда борьба идет на равных. Так что пусть остальные команды подтягиваются. Тогда и народу на хоккей будет гораздо больше. А нам при переполненных трибунах играть куда приятнее. Даже если болельщики симпатизируют не твоей команде, а соперникам. Стремись сыграть так, чтобы и концу матча завоевать расположение зрителей. Даже в заокеанских матчах нам это не раз удавалось.

ДАСАЕВ. И на футболе сейчас, увы, стадионы часто пустуют. Тишина такая, что любая реплика с трибуны слышна. Понимаю, все зависит от нас: будем лучше играть, будут и зрители.

ТРЕТЬЯК. Мне, знаешь, что помогало держаться в самом скучном матче? Мысль, что у телевизора сидит Таня, моя жена.

ДАСАЕВ. А мне такая мысль не может в голову прийти. Но, чувствую, недалек тот день, когда на земле одним холостяком станет меньше.

ТРЕТЬЯК. Выходит, впереди у тебя очень приятное и знаменательное событие... Надеюсь, на свадьбу пригласишь?

ДАСАЕВ. Непременно. Но полагаю, что до этого мы еще встретимся на футбольном поле. Ты же не раз говорил, что хоккеисты ЦСКА любят и умеют играть в футбол.

ТРЕТЬЯК. С удовольствием встретимся. Только с условием, что я буду играть в нападениях...

РАКЕТКИ ИЗ ТАРТУ

Спортивное лето в разгаре, и тысячи любителей тенниса, по большей части безуспешно, охотятся за теннисными туфлями, шортами, мячами и, наконец, за вождельным «Востоком», пока единственной нашей ракеткой, не уступающей современным мировым стандартам.

Как тут не вспомнить круглый стол «Огонька» (№ 37 за 1983 г.), где затрагивались наиболее важные вопросы развития отечественного тенниса, в частности острая нехватка теннисного инвентаря.

В ответе редакции Спорткомитета СССР приводились пункты постановления, которое призвано исправить положение дел в этом популярном виде спорта. В числе прочих мер предусматривалось увеличение выпуска мячей, струн, ракеток и улучшение их качества.

Прошло полгода. И вот мы в Тарту, где делают лучшие в стране теннисные ракетки.

Вместе с начальником цеха экспериментальной лыжной фабрики «Динамо» Л. Дроздовым направляемся в цех, и сразу же возникает вопрос: почему знаменитый цех, по сути, самостоятельное предприятие с давними традициями, все еще остается придатком лыжной фабрики? Не пора ли им разделиться? План-то у цеха весьма внушительный — 115,6 тысячи ракеток в минувшем году. Могли бы выпускать их еще больше, да не позволяет помещение цеха.

— А сушилки? — Дроздов сокрушенно качает головой. — Новые, давно обещанные, мы так и не получили и по-прежнему сушим заготовки в старых, расположенных на другом конце города. Сколько ненужной траты времени, накладных расходов!

Производство теннисных ракеток — процесс сложный, трудоемкий, большинство операций выполняется вручную. Причем даже там, где это возможно, технология в цехе почти не меняется. Хорошо, что здесь работают такие опытные мастера, как кавалер ордена Трудового Красного Знамени В. Рейно, чьиими поистине золотыми руками создано в цехе немало нестандартного оборудования, его товарищ О. Аннамаа. Они налаживали выпуск «Востока», а теперь с помощью специалистов Ленинградской лесотехнической академии осваивают новую экспериментальную модель из комбинированных материалов (дерево, пластик) и сами изготовили для нее особый станок.

Цех выпускает 25 процентов всей продукции со Знаком качества. И это при том, что не хватает высококачественного дерева, значительно хуже стала обмотка ручек, которую поставляет Московский завод имени Тельмана, оставляет желать лучшего даже фибра, обычная чехомданная фибра, поступающая из Свердловска. А ведь она закладывается в обод ракетки и придает ему необходимую упругость.

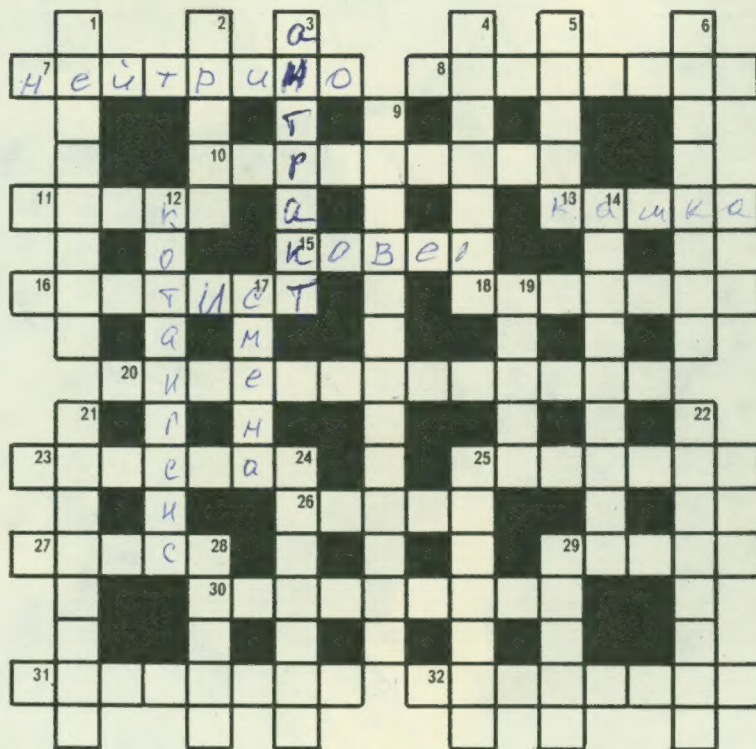
Необходимо сохранить качество и увеличить выпуск теннисной ракетки «Восток», которая верой и правдой служит всем поклонникам этой замечательной игры.

Ю. ОСИПОВ

Здесь делают лучшие в СССР теннисные ракетки.

Фото В. Труммаль

По горизонтали: 1. Стабильная незаряженная элементарная частица. 8. Бас, народный артист СССР, выступавший в Большом театре. 10. Писатель, Герой Советского Союза. 11. Инструмент для лепки. 13. Многолетняя трава семейства зонтичных. 15. Город в Минской области. 16. Музыкант. 18. Домашнее парнокопытное животное, разводимое в Перу и Боливии. 20. Истолкование, объяснение. 23. Картина художника-передвижника Н. А. Ярошенко. 25. Многоголосная песня эпохи Возрождения. 26. Город в Чехословакии. 27. Итальянский живописец, представитель раннего Возрождения. 29. Стихотворение С. А. Есенина. 30. Один из Малых Антильских островов. 31. Птица с розовым оперением, обитающая на побережье Каспийского моря. 32. Действующее лицо комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

По вертикали: 1. Изделия из волокон и нитей. 2. Латышский советский писатель. 3. Перерыв между действиями спектакля, отделениями концерта. 4. Сорт яблок. 5. Эпос киргизского народа. 6. Раздел языкознания. 9. Определение высот точек земной поверхности. 12. Тригонометрическая функция. 14. Живописец и график, народный художник СССР. 17. Советский журнал для молодежи. 19. Рена во Франции. 21. Рабочий орган зерноуборочного комбайна. 22. Высшее учебное заведение. 24. Действующее лицо оперы Д. Верди «Отелло». 25. Русская народная песня. 28. Стиль в архитектуре и декоративном искусстве XIX века. 29. Птица отряда голенастых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали: 4. Косинусоида. 6. Кулиев. 7. Триумф. 9. Анива. 10. Лавров. 12. Грабли. 14. «Сытые». 16. Кострома. 17. Хлорелла. 19. Штрих. 20. Бревно. 22. Ратмир. 24. Софит. 26. Атлант. 27. Азурит. 28. Соколовский.

По вертикали: 1. Литва. 2. «Бурмистр». 3. Аорта. 4. Калар. 5. Аруба. 6. Красноперка. 8. Фольклорист. 11. Обертон. 13. Реприза. 14. Самос. 15. Евлах. 18. Трофимов. 21. Вальс. 23. Торий. 24. Строй. 25. Такси.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Дикие олени — отличные пловцы.

Фото В. Данильченко (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Молодость и древность (половецкие каменные изваяния XII—XIII веков в историческом музее имени Д. И. Иванрицкого, г. Днепрпетровск).

Фото А. Нагальняна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

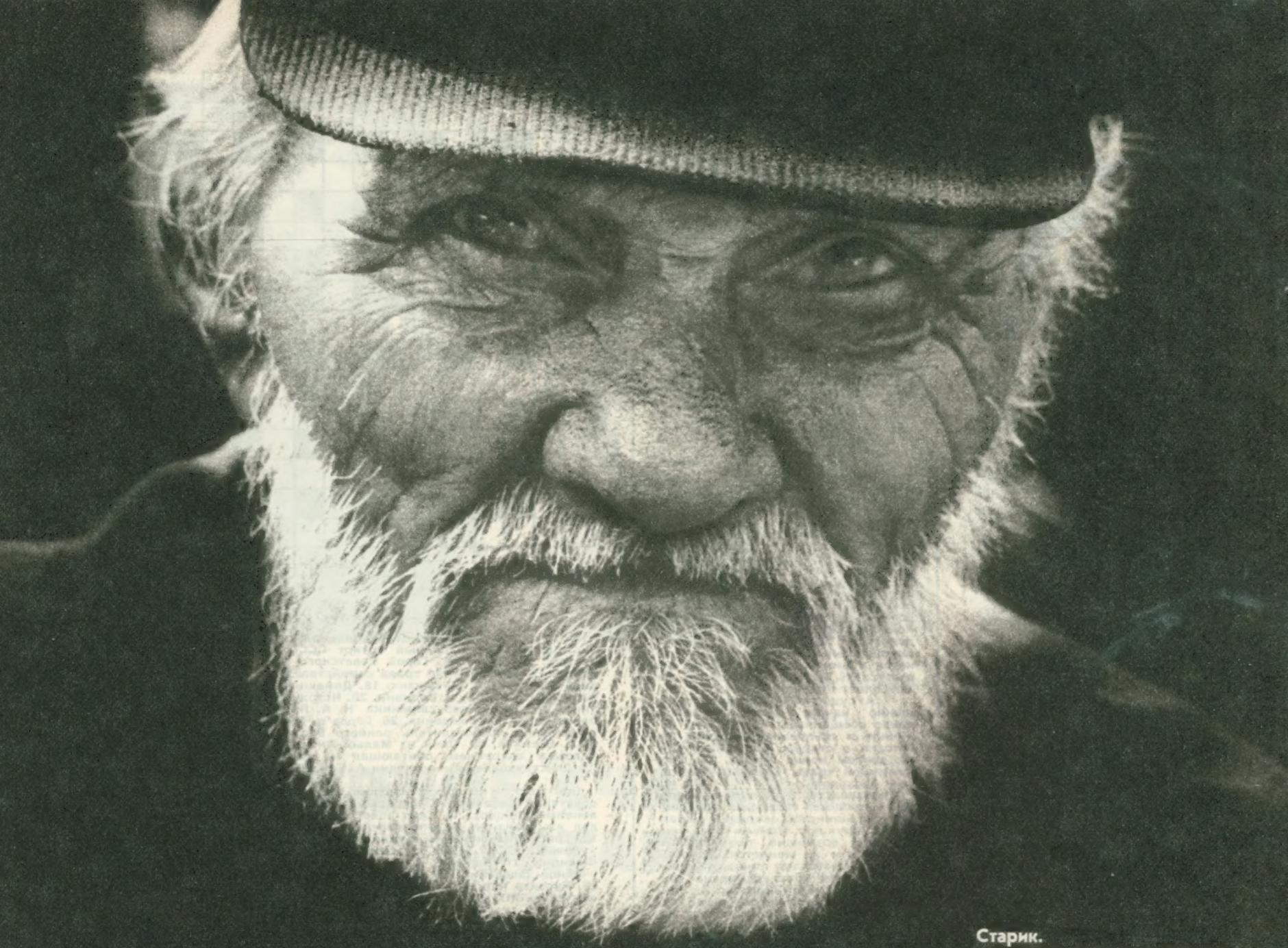
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 2.07.84. Подписано к печати 18.07.84. А 00389. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 717 000 экз. Изд. № 1720. Заказ № 2979.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Старик.
Фото В. Басова. Мурманск.

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

Сущее наказание.
Фото В. Барабаш

Графика стройки.
Фото Е. Стецко. Москва.

Единственный.
Фото В. Давыдова. Ленинград.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

